

84

детектив для девочек и мальчиков

Золотой ЛЕВ

детектив для девочек и мальчиков

Андрей Конев

Золотой ЛЕВ

Минск
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор
1999

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)
К 64

Серия основана в 1999 году

Для среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Конев А. Ф.

К 64 Золотой Лев: Для ср. шк. возраста. — Мн.: Современ. литератор, 1999. — 208 с. — (Детектив для девочек и мальчиков).

ISBN 985-456-269-7.

Читателя не оставит равнодушным это занимательное, полное мягкого юмора повествование о приключениях юных героев, причем приключениях весьма и весьма опасных.

Увлечение неразлучных друзей Макса, Тони и Санчо романтикой рыцарских романов, преданий и легенд, с таким азартом переносимое в их детские игры, не только не помешало, а, наоборот, помогло им победить зло, творимое преступниками. О том, как и почему это случилось, и рассказывает новый детектив для девочек и мальчиков.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)

ISBN 985-456-269-7

© Современный литератор, 1999

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ

— ...А тот, кто хочет защититься от Чёрного Генерала, пусть возьмёт шерсть с хвоста чёрной собаки, рождённой от чёрной, первородной, пусть сожжёт её и посыплет себе на голову, а когда увидит следы его, наподобие козлиных, пусть скажет: «Отойди от плоти моей, от мяса моего и от костей моих...» — загробным голосом просвещал своих товарищей Максим, буквально напичканный средневековыми ужасами из рыцарских романов и легенд. — Эй, кормчий, бери левее! — внезапно прервал он свой рассказ.

Знаменитый следопыт Санька Кулагин по прозвищу Санчо оторвался от блокнота, в который записывал повествования Максима, и начал записывать свои собственные.

Утром туман над рекой растаял, и всё стало голубым, зелёным и жёлтым — голубое небо, зелёная трава и жёлтая полоска песка на том берегу. Погода благоприятствовала искателям сокровищ. Конечно, Санчо не очень надеялся отыскать золотые слитки, алмазы и жемчужные ожерелья, которые так живо описывал Макс. И вообще вся эта экспедиция

была затеей Максима — Великого Магистра Ордена Золотого Льва. А Санчо и Антонина просто согласились, потому что уже целых два дня, с момента последней отчаянной баталии с пиратами из клана Синего Дракона, ничего не происходило.

— Чёрный Генерал принимал участие в каждой битве, — опять нарочито загнусавил Максим. — В каждой битве он умирал и возрождался снова, теряя частичку себя, пока не потерял себя всего. Поэтому он и стал таким: со вставными челюстями, с протезами вместо рук, со стеклянными глазами и стальным сердцем...

— Ужас! — прошептала Тонька.

Санчо снова схватил огрызок карандаша и в главе «Особые приметы» записал: «Глаза — стеклянные, сердце — стальное, вместо рук — протезы, челюсть — вставная». Потом почесал затылок и поднял глаза на Макса.

— Собственно, у почтальона Петровича тоже вставная челюсть... — сказал он. — Он сам говорил, что на ночь опускает её в стакан с водой.

— Это же совсем другое дело! — отрезал Максим. — Петрович по ночам спит как убитый, а Чёрный Генерал как раз наоборот. Ясными ночами, в полнолуние, он бродит по полям сражений, одинокий и жуткий, — тёмный призрак в военной форме без знаков различия. А под началом у него лесные упыри и подземные вурдалаки. Они помогают Чёр-

ному Генералу оберегать сокровища, награбленные во время тысячи тысяч битв. И видеть эти сокровища дано не каждому. Не каждому, понимаешь? Такие дела...

— Вчера было полнолуние, — сказала Антонина и тонко тренькнула тетивой.

Лук у неё был настоящий, индейский, не то, что у Макса. Дуга была вырезана из можжевельника и украшена цветными тесёмками, а тетива сплетена из конского волоса, за что Семён Семёнович, владелец гнедой Звёздочки, обещал выдрать Тоньку вожжами. За спиной у Антонины висел колчан: десять добрых боевых стрел, выкрашенных в красный цвет, чтобы легче было после выстрела искать. Оперение у них было совиное.

А Максим сделал лук из стеклопластика, и этот лук был предметом тайного восхищения и жгучей зависти Санчо. Было так приятно держать его в руках, ощущать его вес, водить пальцами по гладким прохладным изгибам. Это был отличный лук, на несколько порядков лучше фабричных изделий. Так, во всяком случае, говорил сам Максим. Мол, отдача тетивы при спуске совсем не заметна, и стрела уходит гладко, к тому же лук не щелкает при спуске тетивы и можно бить в мишень горизонтально, прямой наводкой, хоть с двадцати метров. Во время этих разговоров Санчо молчал. Из-за своей неусидчивости он не смог осилить азы столярного мастерства и потому довольствовался ролью судьи.

— ...Только в полнолуние и можно увидеть Чёрного Генерала, — жутким шёпотом сообщил Максим. — Узнать его легко: на голове у него военная фуражка, которую он никогда не снимает, перевязывает верёвкой, потому что у него под фуражкой, в черепе, дыра размером с кулак и плещется адский огонь. Поэтому и глаза у Генерала красные, как угли. Увидишь такой взгляд в темноте — и дух вон. Одного только боится Чёрный Генерал: Золотого Льва, ибо солнечный лик нашего покровителя изгоняет тьму и злобу.

Санька вновь раскрыл блокнот и дописал: «Дырка в голове и красные глаза. Боится Золотого Льва».

— Взглянуть бы хоть одним глазком на его сокровища, — мечтательно произнесла Антонина.

Санчо продолжал грести, время от времени посматривая через плечо на приближающийся берег. Тонька снова тренькнула тетивой.

— Собака, — сказала она. — Или волк... Точно — волк. Только не серый, а чёрный.

Максим прищурился, всматриваясь в тёмные заросли, потянулся к луку.

— Вот с такими зубами, — добавила Антонина, широко разведя руки в стороны.

— Значит, стреляный... — авторитетно заметил Максим, усаживаясь на место.

— Почему стреляный?

— Не знаю... Дядя Гоша так говорит. Меня,

мол, не проведёшь: я стреляный волк. Здорово, да?

— Не бывает стреляных волков, — заметил Санчо. — Стреляными только воробьи бывают.

— Много ты о волках знаешь!.. — хмыкнул Максим. Он был на полгода старше Саньки и поэтому всё обо всём знал. — Может, и не волк это вовсе был, а вурдалак. — Макс посмотрел на Антонину и тем же жутким шёпотом добавил: — Рождённые от нечистой силы, налитые кровью, они встают из могил и следуют за Чёрным Генералом, и жажда их неутолима... Да. Такие дела...

Лодка уткнулась носом в берег. Санчо спрыгнул на мокрый песок и выжидательно посмотрел на Максима. Тот отложил свой лук и подал руку Тоньке, хотя любому было ясно, что ни в какой помощи она не нуждается. Просто Макс прочитался рыцарских романов, в которых дамы требуют учтивого обращения, и теперь старался вести себя как галантный кавалер.

Тонька проигнорировала протянутую руку. Великий Магистр Ордена Золотого Льва покраснел. Скрывая смущение, он ухватился за борт и помог Санчо вытащить лодку на берег.

Лодка была тяжёлая, но приятели старались изо всех сил, потому что на них смотрела Тонька. Антонина. Её можно было называть только полным именем, потому что она не

признавала никаких сокращений. Антонина — и точка. Если, конечно, не хочешь нарваться на неприятность. Ни Санька, ни тем более Максим этого не хотели.

Они выволокли лодку на берег и остановились, стараясь выровнять дыхание.

— Ты мне чуть ногу не отдал, — сварливо сказал Макс и покосился на Антонину. — Вот так и становятся калеками. На всю жизнь.

— Калека в джунглях не выживет, — заметил Санчо. — Придётся просить Антонину, чтобы она тебя пристрелила. Из милосердия. Не оставлять же тебя на растерзание стае стреляных волков.

Тонька фыркнула, повернулась к мальчишкам спиной, одним движением выхватила из колчана боевую стрелу, натянула лук и выстрелила в ель, что стояла метрах в пятнадцати от неё. Тонька всегда стреляла не целясь. И редко промахивалась. Талант у неё такой был. Ей вообще все давалось очень легко.

— Это был лесной упырь, и ты попала ему прямо в глаз, — сказал Максим и сразу же вскинул свой лук. Сухо щёлкнула тетива. Стрела со стуком вонзилась в ствол чуть повыше первой. Посыпалась кора.

— Один — один, — начал счёт Санчо.

— Нужно обойти полигон по периметру, — деловито сказал Максим, и вдруг опять забубнил замогильным голосом: — Тёмными

ночами, когда полная луна на миг проглядывает из-за туч, Чёрный Генерал во главе своего воинства выходит из подземелья и бродит по земле — ищет, кого порешить. И пока кого-нибудь не встретит, не может вернуться, ибо таково его проклятие. А с третьим криком петуха воинство его исчезает, а сам он превращается в чёрную собаку или в камень, а иногда в огородное пугало, и терпеливо ждёт нового полнолуния. И у ног его лежит бесценное сокровище.

— У камней не бывает ног, — едко заметил Санчо. — И у пугал не бывает. А у собак не ноги, а лапы. Врешь ты всё.

— Чтоб я сдох! — поклялся Великий Магистр. — Провалиться мне на этом месте!

Санчо недоверчиво хмыкнул, но всё-таки достал блокнот и начал писать про камень, про пугало и про чёрную собаку.

— Да хватит тебе, — нетерпеливо крикнула Тонька. — Писатель про заек. Идти так идти. Давайте по ходу поиграем в охотников.

Игра в охотников заключалась в том, что они выпускали стрелы в любую подходящую мишень, будь то пень, дупло или кочка. Им эти мишени представлялись кровожадными каннибалами, колдунами и рогатыми чудовищами, которые поджидают жертву из засады. Попадание точно в цель считалось за десять очков, а если от мишени до стрелы можно было достать рукой, то это шло уже только по очку. Зато, если стрела пролетела мимо цели и оты-

скать её не удалось, неудачнику засчитывалось полное поражение. Счёт, конечно же, вёл Санчо.

Максим сегодня был не в настроении. Он твёрдо намеревался доказать Санчо и Антонине, что Чёрный Генерал существует, и потому никак не мог сосредоточиться. Точность его выстрелов оставляла желать лучшего. Зато Тонька была в ударе: она всё время попадала в десятку. После каждого удачного выстрела Антонины Макс всё больше мрачнел. Разрыв в очках становился угрожающим.

Конечно же, Максим не мог допустить, чтобы гордость его страдала, и всеми силами старался доказать и Санчо, и особенно Тоньке, что он удачливее самого удачливого охотника за приведениями. Только его стрелы всё равно летели куда угодно, только не в цель, а ухмылка судьи становилась всё шире и шире. Будто и не Тоньке столь позорно проигрывал Максим, а своему однокласснику и лучшему другу Александру Кулагину.

А ведь всего полгода назад, в самом конце зимы, когда Макса свалила жестокая простуда, Санька заставлял его дышать на себя, чтобы и ему передалась хворь. Но он был такой здоровый, что, несмотря на все эти ухищрения, так и не заболел. Целыми днями Санчо слонялся под окнами больницы и вздыхал. Даже в лыжный поход с ребятами не пошёл. Из солидарности, значит.

Таковы законы товарищества. Максим бы

тоже не пошёл. А весной, когда Макс выздоровел, в их классе появилась Антонина. И всё изменилось.

После очередного неудачного выстрела Максим подобрал стрелу и сказал:

— Зря это мы.

— Что зря? — не понял Санчо.

— Время теряем, — пояснил Макс. — Нам делом заниматься нужно, Чёрного Генерала искать. Опять же, сокровища... Пока их в лодку перетащишь... А нам ещё идти и идти.

— А куда идти-то? — поинтересовалась Антонина.

— Пошли куда глаза глядят, — предложил Санчо. — Так вернее всего. Называется — метод научного тыка.

— У меня глаза глядят на свалку, — сообщила Тонька. — Только нет там никаких сокровищ. Ничего там нет, один мусор и вороны.

— Стаи стреляных ворон, — сказал Максим. — Пошли. Ты, Тонька, иди посередине, а я...

— Я тебе не Тонька, — резко оборвала его Тонька.

Максим осёкся, переменял тему.

— Если где и искать Чёрного Генерала, так это только на свалке, — сказал он. — Там легче всего спрятаться. И сокровища легче спрятать. Ну кто будет искать сокровища в горах мусора?! Одно слово — свалка...

Свалка... Это было чудесное, поистине вол-

шебное место. Там можно было качаться на ржавых стволах танков, продирались сквозь кустарники изогнутой колючей проволоки, взбираться на вершины гор ветоши и мокрого картона. А вокруг торчали позвонки и рёбра каких-то машин: разбитые глазницы фар вездехода, скелет зенитной установки, челюсти бронетранспортёра, из разорванного брюха которого свешивались разноцветные провода.

Рядом валялся распахнутый, словно пасть дракона, капот автомобиля, под которым пес-трели цветы.

Они приветливо качали своими голубыми головками рядом с болтающейся дверцей. Их нежные лепестки были покрыты сверкающими бусинками росы. Именно здесь во время этих каникул трое друзей играли в рыцарей и драконов.

О, сколько ловушек таилось на поле битвы! Нужно было идти тихо, осмотрительно — красться, обходя изломанные листы шифера, гнутые металлические фермы, кучи битого стекла и кирпича... Где-то там, между горой старых матрасов и жестяными бочками, таился коварный оборотень, и от предстоящей с ним схватки зависели судьбы всего мира.

Было тихо. Санчо переполняло ощущение привычной уже радости, как всегда, когда они с Тонькой и Максом отправлялись на полигон и впереди их ждали неведомые опасности, удивительные приключения и неразгаданная

тайна. Чего стоили одни сокровища Чёрного Генерала! Ему захотелось высоко подпрыгнуть и закричать, что он и сделал под насмешливое хихиканье Тоньки. А вот в глазах Максима было полное понимание.

— Тихо ты! Всех ворон всполошил!

Антонина шла впереди. Она закинула лук за спину и время от времени нагибалась за крупными ягодами голубики. Следом за ней шёл Санчо. Шествие замыкал Максим. Он специально отстал от приятелей и скользил чуть в стороне с луком наготове. Максим крался по металлическим джунглям, а джунгли, брат, не шутят, здесь, брат, шутки плохи. Тут ко всему нужно быть готовым.

Жара, духота и тучи комаров — всё это основательно портило романтическое настроение. Приходилось постоянно отмахиваться от этих крылатых вампиров. Казалось, комары ополчились именно на Санчо. Вот Макс они не трогали. И Тоньку почти не замечали. Зато Санчо грызли самым безжалостным образом, — грызли и жужжали: «Мы с тобой одной крови». Просто звери какие-то!

— Главное, не наступить на мину, — пренебрежительно сказал Максим. — Их здесь навалом.

— А вон и забор, — остановилась Антонина. — Конец свалки. Дальше кукурузное поле. И никаких сокровищ. — Она посмотрела на Максима. — Где же твой Чёрный Генерал?

Максим неопределённо пожал плечами.

— Может, он во что-нибудь превратился... — пробормотал он. — Вон в то пугало, например.

Огородное пугало висело на шесте, вбитом между бороздами кукурузного поля. На нём была потрёпанная солдатская шинель и штаны с лампасами, а также здоровенные сапоги с мятыми голенищами. Голову заменял перевернутый вверх дном чугунный горшок, на котором криво сидела фуражка без кокарды. Какой-то шутник нарисовал оранжевой краской на горшке лицо: изогнутый в злобной гримасе рот и узкие, презрительно прищуренные глаза.

Санчо раскрыл блокнот.

— «...На голове у него военная фуражка, которую он никогда не снимает, — прочитал он, — перевязывает верёвкой, потому что у него под фуражкой, в черепе, дыра размером с кулак и плещется адский огонь. Поэтому и глаза у генерала красные, как угли. Увидишь такой взгляд в темноте — и дух вон».

— Это точно, — кивнула Антонина. — У меня от него мурашки по коже бегут! — Она посмотрела на Макса. — Может, снимешь с него фуражку?

— Зачем это?

— Если там дырка, а в дырке адский огонь, тогда это наверняка Чёрный Генерал. И тогда сокровища — наши.

Максим сорвал с плеча лук.

Они выстрелили почти одновременно.

Максим сбил фуражку с головы пугала, а красная, с совиным оперением стрела Антонины вонзилась чучелу в грудь.

— Наповал, — сказал Санчо. — Прямо в железное сердце. Конец Чёрному Генералу. И где это ты научилась так метко стрелять?

— Это врождённое, — скромно сказала Тонька. — Оно или есть, или его нет.

Ей не хотелось продолжать разговор на эту тему, потому что на самом деле метила она тоже в фуражку, но стрела почему-то пошла ниже. Поэтому Антонина опустила лук и пошла за стрелой.

Вблизи пугало не казалась таким таинственным и зловещим. Шинель, набитая соломой, нелепо раскинутые руки, верёвочные пальцы... А дырка в днище горшка была, и оттуда торчали пучки сухой травы.

— Никакого адского огня, — разочарованно вздохнула Тонька. — Значит, и никаких сокровищ. А я думала бабушке на день рождения золотые серёжки подарить... — Она вытащила свою стрелу из соломы, повернулась к Максиму. — А где твоя?

— Улетела куда-то... Вместе с фуражкой этого чучела. Чёрт!..

— Значит, победа за мной! — прищурилась Антонина. — По законам военного времени я накладываю на тебя контрибуцию в размере э-э...

— Никаких контрибуций! — отчаянно за-

протестовал Максим. — Я найду стрелу. Не могла же она провалиться сквозь землю!

— Ещё как могла. — Санчо стоял у распахнутого люка в блиндаж и смотрел в темноту. — Там она. Больше ей негде быть. Полезешь?..

Максим молчал.

— А контрибуция будет такая... — сладко произнесла Тонька. — Подойдёшь к Семёну Семёновичу и скажешь, что его гнедая Звёздочка вовсе не арабских кровей, а обыкновенная деревенская кобыла. А мы посмотрим, что из этого выйдет.

— Ясно что, — буркнул Максим. — Он меня выпорет вожжами. Если я не убегу.

— От судьбы не убежишь, — безжалостно заметила Антонина. — Пошли. Через полчаса начнётся очередная серия «Космических бродяг». Посмотрим — и сразу к Семёну Семёновичу.

Великий Магистр вздохнул, осторожно заглянул в тёмную пасть люка и увидел железные скобы, ведущие вниз, в чрево земли, на самое дно, в лапы чудовищ. А чудовища наверняка уже ждали его там: мол, добро пожаловать, милости просим прямо на блюдо, пожалуйста... Голова у Макса закружилась.

— Я достану стрелу, — не очень уверенно сказал он.

— Как знаешь, — пожала плечами Антонина. — А я пошла. Саня, ты со мной?

Сердце у Санчо разрывалось на части. Ко-

нечно, он хотел пойти с Антониной и вместе смотреть про «космических бродяг». В конце концов, разве он не собирается на ней жениться, когда вырастет! И Максим тоже собирается. Только ему сейчас в люк нужно лезть. Вернётся ли?..

— Санька! Что молчишь?!

Санчо посмотрел на Максима.

Тот уже закинул лук за спину и взялся за перекладину. Улыбка у него была какая-то застывшая, совсем не весёлая. На мгновение он замер, а затем отчаянно рванулся вниз, прямо в темноту, только ступеньки закрепились. У Санчо замерло сердце.

— Максим! — закричал он. — Максим! Вернись, ненормальный!..

Максим послушно замер, почти невидимый в полумраке.

— Возвращайся, — сказала он. — Встретимся на баррикадах. Пока.

И пополз вниз, растворился в непроглядном мраке подземного лабиринта.

— Дурак, — простонал Санчо. — Ну какой дурак!..

И представилось ему, что там, в застоявшейся, вязкой, как трясина, тишине, задавленный стаяй стреляных волков, бьётся один против всех его добрый друг Макс, бьётся безоружный, потому что стрелы кончились и тетива лопнула, бьётся из последних сил и зовёт: «На помощь, Санчо!», а тишина проглатывает все звуки, ухмыляется, а стреляные

волки наваливаются все разом и грызут, грызут...

Санчо судорожно вздохнул, посмотрел на свою будущую невесту, перевёл взгляд на небо, на далёкую полосу леса. Может, в последний раз видит...

— Джунгли, брат, не шутят, — сказал он Антонине. — Джунгли, брат, спросят, и нужно успеть ответить. А ты ступай. Встретимся на баррикадах, уж не знаю, где это.

Тонька фыркнула и решительно направилась к берегу. Санчо проводил её взглядом, потом схватился за шаткую металлическую скобу и начал торопливо спускаться вниз, спасти Максима...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Он торопился и чуть не плакал, а на последних ступенях всё-таки сорвался и, с замиранием сердца пролетев несколько метров, грохнулся на бетонный пол, но тут же вскочил, потому что торопился, боялся опоздать на помощь другу и закричал:

— Я здесь, Максим! Я уже иду! Держись...

— Что ты разорался? — Максим вышел из темноты целый и невредимый. — Ногу подвернул, что ли?

— Я думал... — залепетал Санчо. — Что ты... Что тебя...

Сердце его отчаянно билось, и казалось, его удары эхом отдаются в тишине подземного коридора. Голос не слушался, и ноги вдруг стали ватными, как у того плюшевого мишки, которого он подарил Антонине на день рождения.

— Истукан ты, а не Великий Магистр, — сказал Санчо, постепенно приходя в себя. — Я кричу, зову, а ты молчишь как убитый! Так и свихнуться недолго! Нашёл свою стрелу?

— Нашёл, — кивнул Максим. — И фуражку

тоже. — Он оглянулся по сторонам, зябко повёл плечами. — А клёвенько здесь!.. Побродить бы, поохотиться на призраков... Здесь их как грязи.

Стены подземного коридора были тёмными от сырости. Капельки воды сверкали в полумраке, словно жемчужины. Каменные плиты пола были покрыты плесенью. Многие годы никто не спускался в этот лабиринт.

Санчо поёжился. Хотя тишина в этом угрюмом подземелье была почти осязаемая, он улавливал чьё-то присутствие, какие-то подозрительные шорохи, слабое рычание, возню. Казалось, из темноты за ним наблюдают чьи-то злобные глаза. На ум тут же пришли досужие рассказы Макса о том, что в этих катакомбах, возможно, и водятся подземные упыри и оборотни — слуги Чёрного Генерала.

— Полезли наверх, — сказал Санчо. — Опять же «Космические бродяги»...

— Боишься?! — усмехнулся Максим. Было заметно, что он тоже нервничает, но звание Великого Магистра обязывало держать марку. — Может, где-то здесь и зарыты сокровища призрака... Может, в двух шагах от нас.

— Так темно ведь... Как ты их найдёшь? Фонарик нужен.

— А у меня спички есть, — Максим потряс коробком. — Сделаем факелы. Вон ветошь

и трубки пластиковые валяются... Горят от-
лично, только чадят.

— У нас и мешка нет, — упорствовал Сан-
чо. — А за пазухой много сокровищ не уне-
сёшь. — Он нащупал скобы лестницы. —
И стемнеет скоро... Давай лучше завтра, с утра.

— Нет, давай лучше...

Но Санька уже быстро карабкался на-
верх.

Это было чудесно. Как будто нырнул с об-
рыва в реку, глубоко-глубоко, до самого дна,
а потом всплываешь из темноты к свету
и видна зелёная плёнка воды, а за ней ясное
небо... Ты наверху, в безопасности, ты лику-
ешь.

Но друзьям, увы, не повезло: когда до вы-
хода из люка оставалось десять ступеней, на-
верху раздался грохот, и светлое отверстие
люка вдруг превратилось в полумесяц, затем
в узкий серпик, а через секунду и вовсе ис-
чезло.

Санчо не верил своим глазам. Впрочем, те-
перь доверять им и не стоило, потому что
в крошечной темноте они ничего не видели.
Но факт оставался фактом: люк над их голо-
вой был закрыт.

— Тонька, перестань дурачиться! — закри-
чал Максим. — Антонина! Что это за шутки?!

Сверху слышался дробный стук: кто-то
заваливал чугунную крышку люка булыжни-
ком.

— Это не Тонька, — прошептал Санчо

и начал потихоньку спускаться вниз. — Тонька уже давно на том берегу.

— А кто же тогда? Кроме нас и чучела, на свалке никого не было.

— Вот именно.

Для несчастных узников, замурованных в подземелье, началось иное летосчисление. Здесь, глубоко под землей, они оказались в ином пространстве, в ином измерении. В этих коридорах времени не существовало. Минута измерялась годами, один день равнялся тысячелетию, между двумя словами пролегла вечность.

— Язык твой — враг твой, — сказал Санчо.

— Это почему?

— Ты брякнул, что мечтаешь побродить по этому лабиринту, поохотиться на призраков... Вот твоя мечта и сбылась. Теперь можешь бродить сколько тебе угодно, до самой смерти. То есть совсем недолго.

Великий Магистр подбросил в костёр ещё немного просмоленной ветоши. Пламя чуть поднялось, и снова к потолку повалил густой, липкий дым.

А с потолка свисали гирлянды липкой паутины. И если приглядеться, то было видно, как нервно перебирают суставчатыми лапками пауки, с тихим сухим шорохом пятясь в уютную темноту.

— Никакие невзгоды не могут сломить

рыцарей Золотого Льва! — озираясь, сказал Максим.

— Вот именно, — кивнул Санчо. — Только теперь мы не рыцари Золотого Льва. Мы рыцари Печального Образа.

— Если мы не уйдём с этого места, то в конце концов нас начнут искать.

— В конце концов начнут, — согласился Санчо. — Это точно. Найдут ли, вот в чём вопрос.

— Откроют люк, а здесь мы.

— Ага. Мы или то, что от нас останется.

— Тьфу на тебя!

Стояла мёртвая тишина, и только эхо подхватывало слова и уносило их в глубь лабиринта, в темноту и забвение. Сколько им ждать помощи? День? Неделю? Вечность?

— Главное, не сходить с места, — уверенно повторил Максим. — Мне папа так и говорит: если потеряешься в магазине, не сходи с места, я сам тебя найду.

— А где твой папа?

— В командировке. Далеко. В Африке.

— Да. Далековато.

Откуда-то прилетел влажный сквозной ветерок. Он играл робким пламенем костра, ерошил белоснежное оперение стрел и волосы на затылках мальчишек.

— Без дяди Гоши не обойтись, — сказал Санчо.

— А что дядя Гоша?

— Всё-таки милиционер. И у него есть

карта этих... подземных коммуникаций полигона. Вот если бы...

Договорить Санчо не успел. Впереди, рядом с границей освещённого круга, мелькнул силуэт. Мальчишки замерли, напряжённо всматриваясь в темноту.

— Кто здесь? — хрипло спросил Великий Магистр. — Вы не очень-то... Мы вооружены!

Свет костра затрепетал под порывами сквозняка. По стенам заметались тени. И тут из темноты вышел огромный пёс. Он был чёрным, как породивший его мрак, только на лбу было белое пятно.

— Это всего лишь собака, — деревянным голосом произнёс Великий Магистр. — Заблудилась, наверное. Эй, ма-ма-маленький, не бойся... Ты откуда здесь взялся?

Пёс медленно приблизился и остановился метрах в пяти от рыцарей Золотого Льва. Он слепо щурился: видно, свет костра резал ему глаза. Его длинная шерсть была спутана, а в глубине зрачков тлел зловещий рубиновый огонёк. Максим выхватил из колчана боевую стрелу, натянул лук.

— ...А с третьим криком петуха воинство его исчезает, а сам он превращается в чёрную собаку... — прошептал Санчо, а потом сорвался на крик: — Стреляй, Макс! Стреляй, или конец нашим страданиям!..

Гулко ударила тетива. Мимо! Наконечник стрелы шаркнул по бетонной стене, блеснула искра... А пёс шарахнулся в сторону, потом

прыгнул вперёд, встал на задние лапы, совсем как человек, разразился глухим, отрывистым лаем и вдруг мелкими прыжками, бочком, по скакал прямо на мальчишек.

Нервы ошалевших от ужаса рыцарей не выдержали — они обратились в паническое бегство.

Коридоры, нескончаемые коридоры ветвились, переплетались, уходили глубоко под землю, где трудно было даже дышать, каменными ступенями поднимались вверх.

Вниз, вверх, направо, налево... Максим мчался впереди, Санчо едва поспевал за ним. А позади слышалось рычание и отрывистый лай. Пес не отставал.

— Быстрее! Быстрее!

Как ни странно, темнота отступила. Санчо видел и мусор под ногами, и полосатую безрукавку Макса, и цифровые коды на стенах. Всё было окутано призрачной зеленоватой дымкой. Может, это глаза привыкли, а может, и правду говорил дядя Гоша, что стены блиндажа покрыты специальной флуоресцирующей краской.

— Не отставай! — кричал, задыхаясь, Максим, а рычание за их спинами то отдалялось, то приближалось.

Ступеньки, перекладины, перила... Где-то приходилось перелезать через металлические балки, где-то перепрыгивать через трубы. А потом они чуть не рухнули в колодец прямо посреди коридора, из этого колодца подни-

малась тонкая блестящая труба. Санчо следом за Максом, не задумываясь, прыгнул на эту трубу, обхватил её руками, съехал метра четыре вниз до следующего уровня, помчался дальше — обо что-то споткнулся, через что-то перескочил... А пёс отстал, не прыгнул. Откуда-то издали слышался его раздосадованный лай.

Максим перешёл на шаг. Потом остановился, привалившись к бетонной стене, на которой белой краской были написаны какие-то цифры.

— Ушли! — Грудь Великого Магистра поднималась и опускалась рывками. — Давно так не бегал... С детства. Ох, устал...

— Так остановился бы, — тяжело дыша, сказал Санчо. — И выстрелил бы ещё раз, только наверняка.

— Это ж оборотень! Разве его простой стрелой возьмёшь?! — махнул рукой Великий Магистр. — С серебряным наконечником нужна. Я хотел отлить, да мать свой браслет так и не дала. А то бы я этого оборотня... А ведь не прыгнул за нами! Значит, летать он не умеет.

— Или это был призрак верхних коридоров, и на нижние уровни ему ходу нет, — предположил Санчо. — Потому что здесь другие призраки!

— Что?

— Да так, ничего... Жаль, что нет нашего знамени с Золотым Львом. Вдруг на этом уровне бродит Чёрный Генерал?..

— Н-да... — Макс задумчиво подёргал себя за ухо, и Санька понял, что Великий Магистр сильно нервничает. — Интересно, где это мы оказались? И что там, впереди?

В первый раз мальчишкам стало по-настоящему страшно. Даже тогда, когда по пятам за ними мчался чёрный пёс, было как-то спокойнее. А вот сейчас... Так чувствует себя потерпевший кораблекрушение моряк. Вот он борется с волнами, вот сражается с акулами и гигантскими кальмарами, вот, наконец, достигает земли и вдруг понимает, что оказался на крошечном необитаемом острове, на голой скале в стороне от торговых путей, и помощи ждать неоткуда.

— Похоже, мы заблудились. — почесал затылок Максим. — И назад дороги нет — там нас поджидает этот... чёрный вурдалак. И впереди... — Он с тоской взгляделся в зеленоватый сумрак. — И зачем мы стреляли в это огородное пугало?!

— Так значит это был Чёрный Генерал?

Максим тяжело вздохнул.

— Нет никакого Чёрного Генерала, — нерешительно сказал. — Я всё это выдумал.

— Конечно, — тем же тоном ответил Санчо. — Брехня всё это. Пошли.

— Куда?

— А какая разница? Это ж не лес. В лесу можно идти на все четыре стороны — куда-нибудь обязательно придёшь, а здесь кроме

четырёх сторон есть ещё низ и верх — куда ни пойдешь, всё равно...

— Что «всё равно»?

— Ничего.

— Тогда пошли наверх. Там солнце.

— Это точно.

И они пошли. — осторожно, крадучись, стараясь подавить панику, которая их охватила. И снова у Санчо появилось ощущение, что за ними наблюдают. Тысячи глаз — хищных, недобрых, с узкими змеиными зрачками. — ловили каждое их движение и ждали, когда они свалятся от усталости.

«Вот так, наверное, и сходят с ума, — подумал он. — Начинают везде подозревать присутствие нечистой силы! Верно говорят, что страх отнимает половину души.»

— Макс! Ты какой-нибудь заговор знаешь?

— Какой заговор?

— Ну против Чёрного Генерала... И вообще.

— Так ведь нет никакого Чёрного Генерала. Сам говоришь: брехня.

— Брехня, — кивнул Санчо. — А всё-таки?

— Знаю, — помедлив, ответил Максим. — Только Золотой Лев нужен. Или шерсть чёрной собаки.

— Может, вернёмся, вырвем клочок у того пса?

— Не пёс это был, — глухо сказал Максим. — Неужели ты этого не понял?! Эй, смотри! Ещё одна комната...

Несмотря ни на что, присущее любопытство не покинуло мальчишек. Они заглядывали во все боковые помещения, бывшие некогда складами, казармами или рабочими кабинетами. В некоторые комнаты они не могли попасть: двери были закрыты, а на стене висел кодовый замок. Но таких комнат было немного — в основном все двери были распахнуты настежь.

Сломанная мебель, обрывки каких-то схем, металлические контейнеры — всё это было свалено как попало, всё было покрыто толстым слоем пыли, разломано, позабыто. Хозяева ушли, а вещи так и остались здесь, брошенные за ненадобностью. Коридорам и комнатам не было конца.

Ать, два... Левой, правой. Незаметно мальчишки перешли на строевой шаг. Так легче было шагать. Три, четыре... Низкий каменный потолок. Серый, шероховатый, с налётами плесени. Издалека, в мёртвой глубине тесных коридоров, были слышны слабые шорохи, словно остановившееся время ворочалось во сне с боку на бок. Безысходность. Тупик.

— Холодно, — пожаловался Великий Магистр. — И есть хочется.

Санчо тоже замёрз. Холод пробрал его до костей, ноги чуть судорогой не свело. И потому каждый шаг давался уже с трудом. Это была работа, тяжёлая работа, которую нужно де-

лать, чтобы выбраться из каменного подземелья, похожего на склеп.

Ать, два... Левой, правой...

Самое плохое в их блужданиях было то, что мальчишки не могли запомнить путь и несколько раз проходили по одним и тем же тёмным коридорам, сами того не ведая. Им уже казалось, что они всю жизнь только и делали, что блуждали в этом подземелье, заглядывали в покинутые комнаты, слушали тишину. Не верилось, что где-то светит солнце, поют птицы, дует свежий, наполненный запахами и жизнью ветер.

«А может, и не было никакого солнца? — подумал Санька. — Может, тот, другой, яркий и радостный мир нам только приснился, пока мы бродили по этим катакомбам? И нет неба, нет солнца, нет других людей и Антонины тоже нет...»

И тогда Санька подумал, что даже если он и выдумал всё это: солнце, небо, траву, сражения с левобережными пиратами из клана Синего Дракона и Антонину, — то это самая лучшая выдумка, и она гораздо важнее и лучше реальности этих коридоров. Может быть, это мрачное и угрюмое место и есть единственный мир, но тогда он никуда не годится! Всё равно воздушные замки прекраснее выгребных ям. И поэтому он не может предать свой выдуманный мир. Он будет грезить о Тоньке, глядя на покрытые лишайником своды коридоров.

И пусть на свете, кроме него и Макса, никого больше нет! Но он будет жить достойно, как Знаменитый следопыт, потому что, зная худшее, нужно вести себя как можно лучше.

А силы были на исходе. Голод и жажда становились всё настойчивее, воображение рисовало белоснежные скатерти, уставленные всевозможными блюдами и напитками. Даже ненавистная манная каша казалась теперь Саньке лакомством.

— Наверняка выход из лабиринта находится совсем близко, за этим поворотом, — подбадривал он Великого Магистра. — Нет? Тогда за следующим. Опять ошибочка? Прекрасно, всё в порядке... Значит, за следующим... И кто только придумал эти коридоры!

Они шли вперёд, сворачивали в боковые переходы, поднимались по лестницам, заглядывали в пустые помещения... В одной из комнат они наткнулись на чьи-то кости. Отличные кости — каждая начисто обглодана.

— Наверное, здесь была гауптвахта, — предположил Макс. — А это узник, о котором все забыли. Бедолага!

— А дверь?! Посмотри!

— Ну и что?

— Она запирается изнутри! А где ты видел, чтобы узник сам себя запирал?! Так что никакая это не гауптвахта! Так — комната психологической разгрузки и отдыха.

— Хорошенькая разгрузка!.. — Максим посмотрел на кости и поморщился. — Вот тебе и отдохнул...

Санчо промолчал.

— Знаешь, — сказал Макс, по привычке дергая себя за ухо. — Я уже ничего не боюсь. Просто не хочется, чтобы всё закончилось вот так.. Опять же, с пиратами из клана Синего Дракона нужно разобраться..

Санчо тяжело вздохнул, но тут его ухо уловило слабый звук. Сначала он подумал, что ему просто показалось и биение собственного сердца он принял за посторонний шум. Но звук повторился: неясный шорох, чей-то шёпот... А потом откуда-то сверху раздался оглушительный рёв, от которого заложило уши и весь мир завертелся в бешеной пляске. С воинственным клёкотом на рыцарей Золотого Льва обрушилась расвирепевшая стая крылатых вампиров.

Их было много — целые сотни, а может, и тысячи. Воздух просто закипел от взмахов их кожистых крыльев, от пронзительного писка, который временами даже заглушал кровожадный рёв неведомого чудовища.

— Ура! — отчаянно закричал Великий Магистр и начал размахивать луком, как дубинкой.

Рыцари Золотого Льва приняли бой. Они сражались отчаянно, не жалея сил, сбивали на лету беснующихся демонов, однако врагов

было слишком много — мальчишки буквально увязли в клокочущей ненавистью стае. Но они не сдавались, и стая дрогнула, стая умчалась прочь, в темноту, и остался только вой да треск, а потом что-то щёлкнуло и прямо с потолка, из крошечного динамика, грянул голос.

— Куда вы, чёрт побери, запропалились, маленькие шалопаи?! — спросил он. — Если вы меня слышите, то возьмите какой-нибудь камень и подойдите к ближайшему номеру, нарисованному на стенах. Там буква и три цифры. Если первая «А», стукните камнем по трубе один раз, если «Б» — два раза, если «В» — три раза... Понятно? Так мы и узнаем, где вас, чертей, носит. А потом определим цифры...

Это был голос дяди Гоши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАИНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

О, сколько было радости, когда из узкого бокового прохода, словно из стены, выскочила Антонина и закричала: «Ура! Нашлись! Нашлись!». Никогда ещё Санька и Максим не радовались её появлению так, как сейчас. Они бросились к ней обниматься, и жали руки, и пытались рассказать о своих злоключениях и не могли, потому что горло словно сдавила чья-то рука, а глаза набухли от слёз.

Зато Тонька говорила без умолку — захлебывалась в словах, торопилась и всё рассказывала и рассказывала: о том, как она досмотрела «Космических бродяг», а потом пошла к Максусу, чтобы спросить о потерянной стреле, но Максима не было, и она ждала его, ждала, потом сбегала к Саньке, но того тоже не было дома, а Санькина мама сказала, что он получит на орехи, а когда начало темнеть и пошёл дождь, Тонька забеспокоилась всерьёз и побежала к дяде Гоше и всё ему рассказала, а дядя Гоша разгадывал, по обыкновению, кроссворд и не верил ей, а потом поверил и тоже пошёл к Санькиной маме, так что Санька теперь уже точно получит на орехи.

Санька кивал и улыбался. Теперь ему не была страшна предстоящая взбучка, а Тонька продолжала тараторить о том, как дядя Гоша взял карту из своего сейфа и как побежал на командный пункт полигона и дёрнул какую-то железную палку и сразу все лампочки загорелись, а потом он начал говорить в микрофон и прислушиваться к стуку в железной трубе, а когда мальчишки отстучали код номера, дядя Гоша развернул карту, нашёл на ней нужные цифры и начал говорить в микрофон, куда нужно идти, и Тонька тоже смотрела на карту.

— А потом, когда дело близилось к развязке, я побежала вам навстречу. Вот, — закончила она и посмотрела на Макса. — Классная на тебе фуражка. Теперь тебя в жизни не отличишь от того пугала, только лицо ваксой намазать надо. А где стрела?

— Мы отстреливались от призрака, — веско сказал Макс. — Он чёрный, похож на собаку, но не собака, потому что ходит как человек. И в глазах у него пламя адских костров. Нам пришлось отступить. Верно, Санчо?

— Верно, пришлось, — кивнул Знаменитый Санчо. — Только пятки засверкали. А всё потому, что ты промазал.

— Ага, — сказала Тонька. — Стало быть, стрелу вы посеяли? Размер контрибуции возрастает...

— Так ведь призраки... — старался объяснить Макс.

— Призраки! Вы сами похожи на призраков. Посмотрели бы на себя в зеркало, — фыркнула Антонина и презрительно дёрнула плечом: она не верила в призраков. — А ещё вы похожи на памятник Гоголю, что стоит рядом со школой. Его голуби так уделали!.. Как вас.

— На нас напали крылатые вампиры, — с жаром сказал Великий Магистр. — Тысячи. Мы их — раз, мы их — два!.. — Он замахал руками, разыгрывая баталию. — И они — фьют, улетели голодными, не испив нашей кровушки. Кстати, у тебя ничего перехватить нету? Так, знаешь, кушать хочется...

— У дяди Гоши есть. Он вам даст. — Тонька хохотнула и добавила: — На орехи. А о пропавшей стреле мы поговорим завтра. Побежали!

И они со всех ног понеслись к выходу, а потом с визгом промчались по мокрой от недавнего дождя траве, и это тоже было чудесно. Вокруг всё искрилось и шумело: свистел ветер, качались деревья, где-то далеко ухал филин, и не было никаких призраков, никто не подбирался к ним бочком, оскалив зубастую пасть. Всё это осталось в прошлом, позади, в кошмарном сне: и крылатые вампиры, и чёрный упырь в облике собаки, и сокровища Чёрного Генерала. Здесь, наверху, мир был прост и понятен — ясная звёздочка на чистом небе, красный диск солнца над тёмной кромкой леса и вольная воля, без которой ни

один рыцарь Золотого Льва не мыслит своего существования.

— Мне казалось, прошла целая вечность! — прокричал на бегу Санчо. — А солнце ещё не спряталось. Какой длинный день! Будто время остановилось.

— Время порой откалывает номера! — весело откликнулся Макс. — На переменках летит, как стрела, а вот на уроках тянется, тянется... Папа говорит, что время относительно. Понятно? Носит его — туда, сюда... Такие дела.

— Отнесло бы его подальше сейчас, когда дядя Гоша собирается дать нам на орехи...

— Даст, даст, — уверенно сказала Тонька. — Будет кровавое избиение младенцев во мраке ночи... А я посмотрю.

Только избиение младенцев не состоялось, потому что дядя Гоша лежал на полу, нелепо раскинув руки, рот его был открыт, как будто он собирался закричать, а глаза — закрыты. Его милицейской фуражки нигде не было видно, а русые волосы были измазаны чем-то чёрным.

Максим склонился над дядей Гошей, дотронулся до его головы, посмотрел на кончики пальцев, измазанные влажным и липким.

— Кровь, — прошептал он.

— Ой! — Антонина обессиленно прислонилась к дверному косяку. — Что-то мне нехорошо...

Санчо подошёл ближе и тоже осторожно ощупал голову потерявшего сознание милиционера. Дядя Гоша тихо застонал.

— Живой, — облегчённо вздохнул Макс. — Сознание потерял... А на голове шишка. — Он нагнулся ниже. — Ого! Какая огромная! Всем шишкам шишка! И, главное, она продолжает расти.

Тонька со стоном сползла на пол.

— Он стоял у окна. — В Саньке проснулся Знаменитый следопыт. — Высматривал нас, а некто подкрался сзади и — бац: ударил чем-то по голове!

— Кто подкрался? — Макс осторожно подложил под голову милиционера фуражку чучела. — И чем ударил?

— Копытом, например. — Санчо со значением посмотрел на Макса. — Или стальным протезом. Понимаешь, о ком я говорю?

— О ком? — не понял Макс.

— О Чёрном Генерале, — пояснил Знаменитый следопыт. — Его работа. Призрак-убийца! Представляешь?!

— Зачем ты это говоришь? — слабо спросила Тонька. — Мне и без того плохо!

— Дяде Гоше наверняка ещё хуже. Что делать-то?

— Ничего страшного не случилось... Наверное. — Макс ещё раз потрогал голову дяди Гоши. — Может, сотрясение мозга?.. Нужно «скорую» вызывать.

Тонька как-то странно сглотнула, но тут

дядя Гоша открыл глаза и тихо попросил, чтобы «скорую» не вызывали, потому что он чувствует себя просто превосходно и всё в порядке, только не нужно так сильно раскачивать комнату. Нет, никаких вурдалаков он не видел и крылатых вампиров тоже: просто стоял у окна, а потом очнулся на полу и теперь хочет знать, что произошло и почему так шатаются стены...

Санчо посмотрел на стены, даже коснулся их рукой. Они стояли прочно и незыблемо. Странно... А дядя Гоша, охая, встал на ноги, поднял с пола фуражку пугала и нахлобучил себе на голову.

— Смирно, — хрипло сказал он. — Вольно. — Он опять застонал и схватился за голову. — Все по домам, я вырубая ток.

— А как же вы? Мы можем кого-нибудь позвать...

— По домам, — строго повторил милиционер.

— Пошли. — Макс дёрнул Саньку за рукав. — Что ты стоишь, как памятник неизвестному отличнику?

Санька молча указал дрожащей рукой на пол, и Максим тоже окаменел. На светлых бетонных плитах отчётливо выделялись ещё влажные от недавнего дождя тёмные отпечатки сапог сорок пятого размера с набойками в виде трезубца. И тут раздался сдавленный стон дяди Гоши:

— Карта! Куда исчезла карта полигона?!

Следы то рельефно выделялись на мокром песке, то вдруг терялись в траве, и тогда Тоньке и Максy приходилось останавливаться и смотреть, как Знаменитый следопыт Санчо рыщет вокруг них по расширяющейся спирали, и ждать, пока не раздастся его крик — мол, след найден и можно продолжать преследование.

А между тем заметно похолодало. Солнце уже наполовину спряталось за горизонтом, и всё стало лиловым и розовым, и был слышен каждый шорох: скрип песка под ногами, пение цикад и голодное ворчание в животе у Макса.

— А как мы его арестуем? — спросила Тонька. Она всегда отличалась практичностью.

— Там видно будет, — отмахнулся Санчо.

Всем его существом овладел охотничий азарт, и он не мог отвлекаться на всякие мелочи. Станные люди, эти девчонки! Ведь любому было понятно, что стоит только обнаружить преступника, похитившего карту полигона, как тот сразу поймёт, что деваться ему некуда и с удовольствием пойдёт в тюрьму. Да, — в тюрьму! Это слово Санчо перекачивал во рту, как сладкий леденец. Потому что не дело вот так, с бухты-барахты, бить дядю Гошу по голове тупыми предметами и при этом оставаться безнаказанным. Это непорядок! И поэтому нужно выяснить, куда ведёт след, и не мучиться

дурацкими вопросами. А след вёл на свалку.

— Высокий, — сообщил Санчо приметы преступника. — Под два метра. Его шаг равен двум моим. И тяжёлый... Отпечаток глубокий. Чёрт... Свалка началась. Какие теперь следы...

Солнце спряталось за лесом, незаметно на землю опустилась темнота, поднялся ветер, и тучи в небесах набухли, повисли над полигоном тяжело и страшно, и оттого свалка изменилась. Она гудела и ворчала с глухой угрозой, и в этом ропоте слышались и стоны, и плач, и отчаянные крики. А над кирпичными горами, и над лесом железных ежей, и над башнями танков, как испуганная птичья стая, метался ветер. Он касался лиц друзей холодными лапками, пронзительно свистел на оперении стрел. Казалось, что кто-то идёт следом, огромный и мокрый, в сапогах сорок пятого размера — разевает пасть, то рычит, а то воеет как собака на луну, жалобно и надрывно. И безнадежность дышит в затылок могильным холодом.

— Вон он! — пригнулся вдруг Санчо. — Стоит у самой ограды, руки раскинул, будто ловит кого.

Сыщики замерли, затаили дыхание и смотрели на зловещий силуэт, чёрный на фоне пламенеющего неба.

— Так ведь это пугало, — облегчённо вздохнула Антонина. — То самое, утреннее. — Она нервно рассмеялась, хлопнула

Саньку по плечу. — Эх ты!.. Шерлок Холмс липовый.

— Не может быть...

Но это действительно было то самое соломенное чучело — в солдатской шинели, в штанах с лампасами, с фуражкой на чугунном горшке. Чучело улыбалось нарисованной улыбкой, словно насмехаясь над незадачливыми сыщиками.

— Пошли домой, — зябко повела плечами Антонина. — Холодно.

— Пошли, — уныло согласился Санчо. Он поковырял носком кроссовки слежавшийся мусор, ещё раз посмотрел на чучело и вдруг напрягся, будто собирался куда-то бежать, прошептал горячо и страшно:

— Фуражка!

— Что фуражка?

— На чучеле! Мы её сбили, а потом нашли, а потом её надел дядя Гоша.

— Ну и что? Пусть поносит. Она ему очень идёт. — Максим посмотрел на чучело и вдруг начал дергать себя за мочку уха с такой силой, что, казалось, вот-вот её оторвет. Так они и подошли к чучелу: ничего не понимающая Тонька, молчаливый Санчо и отчаянно дёргающий себя за ухо Максим.

Они стояли и смотрели на милицейскую фуражку с блестящей, тщательно отполированной кокардой, смотрели и не произносили ни слова, потому что это была очень знакомая фуражка и принадлежала она дяде Гоше,

но теперь она почему-то сидела на чугунной башке чучела. И сапоги у чучела были сорок пятого размера. Это Санчо определил сразу, едва взглянув на подошвы. И набойки на каблуках были в форме трезубца. А в правой руке, в своих скрученных из верёвки пальцах чучело сжимало чуть согнутый отрезок металлической трубы, и место сгиба было испачкано бурыми пятнами.

— Кровь, — побледнел Макс. Он попятилась, забормотал речитативом: — Отойди от плоти моей, от мяса моего и от костей моих...

И в этот момент за его спиной глухо и мрачно заухал филин.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВЕТ РЫЦАРЕЙ ЗОЛОТОГО ЛЬВА

На следующее утро, мрачные и растерянные, они собрались за круглым столом в рыцарском зале — в увитой плющом беседке во дворе Антонины. Её бабушки не было дома, и поэтому никто не мог помешать их тайному совещанию. Председательствовал Санчо, потому что, по его словам, время чехарды кончилось и наступил час анализа. Что это за час, ни Тонька, ни Максим не понимали: для них слово «анализ» ассоциировалось с больничными процедурами.

— Я не верю, — заявила Тонька. — Этого просто не может быть. — Она выпалась, плотно позавтракала, и вчерашние страхи казались ей пустой выдумкой. — Потому что быть этого просто не может.

— Хорошо, если так. — Санчо пребывал в глубоком унынии. Вчера он получил от матери на орехи: и за позднее появление, и за испачканную одежду, которую он, по её мнению, старательно прополоскал в курином помете. Поэтому сегодня Санчо всё видел в чёрном свете. — Но некоторые вещи существуют независимо от того, веришь ты в них или не

веришь. Я вот, например, не верил, что мать может взять в руки отцовский ремень, а подиж ты...

— Или сидишь на уроке и не веришь, что тебя вызовут, — поддержал друга Максим. — А тут, как на зло, — бац! И опять два балла. — Он покачал головой, сетуя на странное устройство мира, и добавил: — Опять же факты...

— Подумаешь, факты! — хмыкнула Тонька. — Вон, к примеру, стоит банка сметаны — я люблю есть клубнику со сметаной. Это первый факт. Если я её уроню, то она разобьётся, и мне влетит от бабушки по первое число. Это второй факт.

— Это уже не факт, — заметил Санчо. — Это уже следствие. Печальное.

— Вовсе нет. Вот когда я вымажу в эту сметану нашего Мурзика, а бабушка воспримет это как факт, тогда и начнётся следствие. Очень печальное для Мурзика.

Санчо вздохнул. Логика была железной. Только Мурзика было жалко.

— Уж не намекаешь ли ты на то, что мы всё придумали?! — завёлся Макс. — И про заваленный бульжниками люк, и про чёрного вурдалака, и про летучих вампиров!.. А следы от сапог сорок пятого размера?! Ты ведь сама видела эти сапоги на чучеле! А фуражка? А железная дубинка, измазанная кровью? Это тоже выдумки?!

— Да я не о том... Я говорю, что факты, как и время, тоже можно относить туда-сюда. Возьмите дядю Гошу.

— Ну?

— Он целыми днями обедает, смотрит телевизор, разгадывает кроссворды... Это факт, да?

— Да.

— А на самом деле он сторожит полигон, — торжествуя закончила Антонина. — Бдит.

— Во-первых, сейчас он не обедает, не смотрит телевизор и не разгадывает кроссворд, а лежит в кровати с мокрым полотенцем на голове, — возразил Макс. — А во-вторых...

— Всё. Хватит. — Санчо стукнул рукой по столу. — Так мы ни к чему не придём. Давайте начнём, как положено у всех порядочных сыщиков, с мотива. Кому было выгодно запереть нас в блиндаже?

— Известно кому. — Макс сплюнул через левое плечо, трижды постучал по круглому столу и прошептал: — Чёрному Генералу. Хотя, конечно, всё это брехня...

— Вот именно, — констатировала Тонька. — Факт, что брехня.

— Тихо, тихо...

Санька достал из кармана огрызок карандаша, раскрыл блокнот и в начале чистой страницы написал: «Факты». А чуть ниже: «Факт первый. Некто закрыл люк и завалил его камнями с целью...». Здесь Знаменитый следопыт долго грыз карандаш, пока его наконец не осенило: «...с целью удушения оных».

— Чтобы, значит, из нас душа вон, — пояснил он.

— А потом некто послал чёрного вурдалака с целью угрызания оных, — продиктовал Макс. — И это факт второй.

— Откуда ты знаешь, некто его послал или не некто, — встряла Антонина. — Может, пёс сам по себе хотел вас укусить. И мотив у него был. Гуляла себе собачка по подземелью, о косточке мечтала, а тут свалились, понимаешь, на голову два лоботряса и сразу ну стрелять! Я бы на её месте тоже вас укусила.

— Да не собака это была! — вскричал Максим. — Оборотень! Вурдалак. Весь чёрный, а на лбу белая отметина — печать дьявола! И одно ухо висит.

— Постой, постой... — наморщила носик Антонина. — Кажется, этого вашего вурдалака я уже видела... Здоровенный такой?

— Угу. — Макс развёл руками. — С добрую корову.

— А ну-ка, за мной!

Антонина сорвалась со скамейки и помчалась к калитке, а потом вниз по улице до самой реки и остановилась перед домом номер шестьдесят шесть. Это был дом художника Захара Кирилловича Донского, имя и фамилию которого Антонина сократила до начальных слогов: получилось звучно и ёмко — художник За... Ки... Дон.

— Похож? — шёпотом спросила Тонька.

— Нет, — покачал головой Макс. — У Закидона голова как голова, и шерсти нет.

— Да я о собаке!

Только сейчас мальчишки заметили, что у ног старика лежит пёс — лохматый, чёрный, как смола, с белой отметиной на лбу. Даже левое ухо у него висело точно так же, как у подземного вурдалака.

— Не похож, — дёрнул себя за ухо Максим. — Тот был с корову, а этот и на телёнка не тянет. И на задних лапах он не ходит, и адского пламени в глазах нет. Точно, не похож.

Закидон, по своему обыкновению, разглагольствовал о жизни. На этот раз слушателей у него не было, и он вразумлял чёрного пса, называя его именем венецианского мавра.

— ...А всё дело в том, Отелло, дурья твоя башка, — говорил он, — что в жизни не осталось ничего героического! Люди не понимают героев, не любят героев. А почему? А потому что герои слишком шумные, слишком активные, слишком требовательные! Герои задают вопросы, которые смущают простых смертных, потому что те не знают на них ответов, а во всём нужна мера. Ты согласен?

Отелло зевнул. Конечно же, он согласен. Конечно же, во всём нужна мера. Кроме еды.

— Ахиллес, Гектор, Персей... Скажу тебе, куриные твои мозги, что это всё выдумки. Может, и существовали люди с такими именами, но они были простыми смертными, как ты и я... То есть, как я. А потом их возвели в герои. А почему? А потому что людям нужны обманы, которым можно поклоняться. Верно, бревно ты неотёсанное?

Пес слабо вильнул хвостом. Мол, верно, старик. Я хоть и бревно неотёсанное, а тоже понятие имею. Возьми, мол, к примеру, соседскую болонку. Уж как ей поклоняются хозяева, уж как поклоняются!.. Педикюр делают! А та только хвостом виляет! Так и задушил бы! А что в этой болонке особенного?! А ничего. Шерсти клочок и ледяное сердце, которое не в силах растопить даже огонь истинной любви. Я пробовал, знаю...

— Ложные герои, Отелло, ослиные твои уши, — сокрушённо вздохнул Закидон. — Вот что нужно людям. Возьми Геракла. Уж какой, казалось бы, боец-молодец. Настоящий герой, скажешь ты. И ошибёшься! Потому что такого проходимца, как этот древний грек, мир не видывал. Всё он что-то шустрил, что-то выискивал, доставал: то пояс царицы амазонок выторгует, то золотые яблоки Гесперид украдет... А эта история с авгиевыми конюшнями?! Позор...

Рыцари перемахнули через штакетник и под прикрытием куста сирени подобрались ближе. Они хотели убедиться, горит в глазах Отелло адское пламя или нет.

— ...Потому что истинный герой вовсе не Геракл, а Авгий, дубина ты стоеросовая, — продолжал рассуждать Закидон. — Почему бы Гераклу самому не заняться скотоводством? Так нет же! Это для него не работа. Ему подвиг подавай. Хотя для некоторых любая работа — подвиг! И молчи! Даже не спорь со мной, бесстыжие твои глаза!..

Отелло послушно молчал и не спорил. Только язык высунул и дышал тяжело и часто. Ему было жарко. А глаза у него были вовсе не бесстыжие — грешил на него старый Закидон. Обыкновенные глаза с золотыми искорками, преданный собачий взгляд, и никакого адского огня. Это Санька видел определённо. А вот Макс не видел: ему мешала листва. Он осторожно подвинулся поближе к Санчо, и тут под его ногами предательски треснула сухая ветка. В ту же секунду Отелло сорвался с места и с лаем бросился на подозрительный шум. А клыки у него были белыми, как сахар, и длинными, как наконечники стрел. Мальчишки обмерли.

— Отелло! Стоять! — закричал старый художник. — Ко мне! Эй, кто там прячется? А ну, выходи на белый свет!

Рыцари Золотого Льва, подталкивая друг друга, обречённо покинули своё укрытие. Пёс обстоятельно обнюхал каждого из них, отчего сердца мальчишек отчаянно затрепетали.

— Не бойтесь, — успокоил друзей Закидон. — Это он выясняет, кто из вас вкуснее.

— Мы невкусные, — заверил художника Санчо. — Кожа да кости. — Он покосился на пса и для убедительности добавил: — Так мама говорит.

Отелло насторожился, завилял хвостом.

— Не говори ему про кости! — всплеснул руками старик. — Его сегодня ещё не корми-

ли, а кости для собаки, известное дело, — деликатес.

— А почему вы его не кормите? — подала из-за забора голос Антонина. — Не стыдно вам голодом собаку морить?!

— Так ведь собаку хозяин должен кормить, — пожал плечами Закидон. — А хозяин ещё не проснулся.

Пёс утратил к мальчишкам всякий интерес и снова улегся у ног художника.

— Так это не ваш пёс? — удивилась Антонина.

— Это мой пёс.

На крыльце появился высокий сухощавый мужчина в спортивном костюме. Лицо его было удивительное: большую часть занимал невообразимых размеров нос. Мальчишкам ещё никогда не приходилось видеть ничего подобного: огромный, пористый, с розовым бликом на кончике. Чтобы обхватить этот нос, понадобилось бы две руки.

Они как замороженные разглядывали это чудо и молчали. И мужчина тоже молчал и настороженно смотрел на мальчишек. Глаза у него были чёрные, несколько удивлённые, ещё окончательно не проснувшиеся и чуть испуганные, как будто мужчина ожидал от мальчишек какой-нибудь мелкой пакости. И спал этот тип до полудня!.. Всё это показалось Саньке крайне подозрительным. Он хотел тут же достать из-за пазухи блокнот и записать особые приметы незнакомца, но Отел-

до глухо зарычал, и Знаменитый следопыт решил отложить это занятие на потом.

— Значит, это ваш пёс? — спросила Антонина.

— Да. А что?

— А то, что он чуть не съел прямо с костями Макса и Санчо! Я так испугалась!

— Отелло! — укоризненно покачал головой мужчина. — Как тебе не стыдно? Зачем ты пугаешь нашу очаровательную гостью, заставляешь её переживать за друзей?

— А я нисколько не испугалась, — покраснела Тонька: ещё никто не называл её очаровательной. — И за друзей не переживала. А вот за собаку вашу переживала. Она могла подавиться.

— Ага. Понятно, — улыбнулся мужчина. Взгляд его оттаял и уже не был таким колючим. — Ну раз все страхи позади, давайте знакомиться. Меня зовут Борис.

— А по батюшке? — деловито осведомилась Тонька.

— Борис Устинович Ратинов, — поклонился мужчина. — К вашим услугам.

— Б... У... Ратино... — привычно сократила Антонина. — Буратино. — Она посмотрела на нос Бориса Устиновича. — Ну, полный вперёд... Как вылитый!

— Буратино так Буратино, — развёл руками Ратинов. — Видно, мне никогда не избавиться от своего прозвища. А вас, сударыня, как по батюшке?

— Антонина. Просто Антонина.

— Очень приятно, Просто Антонина.

— А вашего пса зовут Отелло, — подал голос Макс. — Я знаю. И он голодный, а вы спите.

— Дело в том, что я работаю в основном по ночам, — смутился Буратино. — Я — биолог. Изучаю летучих мышей... А Отелло вовсе не так голоден, как ты думаешь. Но конечно, он никогда не откажется от кусочка сахара. Верно, Отелло? — Борис Устинович вытащил из кармана кусочек сахара. — Служить!

Пёс моментально вскочил на ноги и звонко залаял. А потом случилось невероятное: Отелло встал на задние лапы и забавной полуприсядкой, бочком, запрыгал к хозяину.

Максим застонал и обхватил руками голову. Великому Магистру, рыцарю Золотого Льва и знатоку чёрной и белой магии было стыдно. Надо же! Обыкновенного пса он принял за вурдалака! Какой позор! К чёрту регалии Магистра! К чёрту рыцарское звание! В монастырь! В изгнание!.. Обескураженные донельзя, Макс и Санчо побрели прочь, даже не попрощавшись ни с Закидоном, ни с Буратино. А на заборе заливалась серебристым смехом Антонина.

— Вот вам и подземный вурдалак! — Антонина видела огорчение мальчишек и хотела, чтобы они испили чашу унижения до дна. —

Наверняка и крылатые упыри из той же оперы — какие-нибудь птицы или стая летучих мышей. Здорово они вас вчера уделали! Тонны помёта опрокинули прямо на ваши пустые головы. И для этого им не понадобилось никакого мотива.

— Глупости всё это! — мрачно сказал Макс. Он был страшно зол на Санчо. Если бы тот не затеял поиски мотива, то остался бы и чёрный вурдалак, и стая крылатых вампиров... А теперь выяснилось, что ничего этого нет, а есть только два дурака, он и Санька, принявшие белое за чёрное.

— Для любого преступления нужен мотив, — сказал Санчо. — Просто так, за здорово живёшь, обрезком трубы по голове не лупят.

— Подумаешь, мотив... — упорствовал Макс. — Я и сам под конец учебного года отлупил бы человек пятнадцать — весь педсовет. И мотив у меня был: они мне до смерти надоели. Особенно училка математики Швабра. А если бы я это сделал, то нужно было бы арестовать весь класс. У всех был тот же самый мотив!

— Одно дело Швабра, — рассудительно заметил Санчо. — А совсем другое — дядя Гоша.

Знаменитый следопыт открыл блокнот и в графе «Факты» вторым пунктом написал: «Некто ударил дядю Гошу трубой по голове с целью...» Здесь он опять впал в задумчивость.

— С целью потери сознательности, —

подсказал Макс. — То есть сознания. И про следы напиши, и про фуражку, и про чучело, и про шишку на голове дяди Гоши!..

— Это уже не факты, — покачал головой Санчо. — Это улики. Их нужно записывать отдельно, потому что улики ведут прямым к преступнику. Как и мотив. В этом и состоит дедуктивный метод великого Шерлока Холмса.

Макс уже пропитался стойким отвращением к мотивам. Поэтому он начал протестовать заодно и против улик.

— Даже жуку колорадскому понятно, что это дело не обошлось без вмешательства тёмных сил, — уверенно сказал он. — А если Чёрный Генерал действительно существует и если это он треснул дядю Гошу по голове, то ему наплевать на все улики. Призрака за хобот не поймаешь!

— Если, если... — передразнила Макса Антонина. — Слишком много «если». А если... тьфу ты чёрт. Короче, Чёрный Генерал тут ни при чём. Призраки оживают только ночью, в темноте.

— Дело было в подzemелье, — напомнил Максим. — Знаешь, как там темно?!

— Всё равно, — упорствовала Антонина. — Не такой Чёрный Генерал дурак, чтобы оставлять после себя улики. Да и какие улики он может оставить?! Он же привидение! И вообще, никакого Чёрного Генерала нет!

— Как это нет?! — возмутился Макс. — Есть! Я его придумал, и он ожил.

— Нет, нет и ещё сто миллионов раз — нет!

— Есть!..

В пылу жаркого спора Антонина так размахалась руками, что нечаянно задела банку со сметаной. Банка упала, и густая белая масса растеклась по полу огромной лужей. Спор моментально прекратился.

— Интересно, что скажет бабушка, — задумчиво произнесла Тонька.

Однако было очевидно, что это ей совсем не интересно.

— А где твой Мурзик? — Тонька оглянулась по сторонам. — Мурзик, Мурзик... Кис, кис...

— Отважная охотница и леди-воительница не может сваливать свою вину на другого, — как бы между прочим заметил Санчо. — Это обман!

— Никакого обмана! Я же не собираюсь говорить неправду. Просто покажу Мурзику на эту вкусную лужу. А уж какие выводы сделает бабушка — это её дело.

— Ловко! — восхитился Макс и принялся загибать пальцы. — У Мурзика был мотив разбить банку — это раз, есть факт — разбитая банка, и есть улика — измазанная в сметану морда. Ни один Шерлок Холмс не подкопается... Вывод: Мурзика нужно садить в тюрьму.

— То-то! — назидательно сказала Тонька. — А ты: призраки да призраки... Для таких фокусов никаких призраков не нужно.

И тут Саньку осенило.

— А что, если никакого Чёрного Генерала действительно нет? — предположил он.

— И ты туда же! — Макс чувствовал себя преданным.

— Подожди дуться... Антонина права. Не такой Чёрный Генерал дурак, чтобы оставлять после себя следы. Уж если мы увидели улики, то их наверняка видел и он. Неужели у него не хватило бы ума треснуть дядю Гошу по голове и бесследно исчезнуть? Для призрака это плёвое дело. — Санчо заглянул в блокнот. — Думаю я, что некто закрыл за нами люк, потом надел сапоги огородного пугала, дождался, пока прибежит дядя Гоша, стукнул его по затылку, вернулся к чучелу и снова переобулся.

— А фуражка и обрезок трубы?

— Подброшены, чтобы заморочить нам головы.

— Ага... — Макс снова начал дёргать себя за ухо. — А зачем некто всё это затеял? Ему что — делать нечего? Где же твой мотив?

И тут Саньку осенило во второй раз.

— Карта! — закричал он. — Некто хотел завладеть картой полигона!

— Да зачем ему она?

— Это мы и должны выяснить, — твёрдо сказал Санчо. — И выясним.

— Но как? — поинтересовался Макс. — Пойдём туда, не знаем куда, найдём того, не знаем кого?

— Всё не так плохо, — утешил его Санчо. — Искать нужно на полигоне, иначе зачем преступнику карта?

— А как мы узнаем этого самого преступника?

Санчо заглянул в блокнот.

— Он высокого роста, сильный, ужасно хитрый и носит обувь сорок пятого размера: сапоги чучела были ему в самый раз. Вот мы и будем искать следы... Расследование начнём после обеда. Предупреждаю: дело это опасное...

— Луки брать? — оживилась Тонька.

— Нет. Возьмём обычное оружие. Мероприятие придётся проводить во вражеском тылу. Сами понимаете... Не маленькие.

— А знамя с Золотым Львом возьмём?

— Знамя возьмём, — подумав, согласился Санчо. — Вдруг Чёрный Генерал, несмотря ни на что, существует. Хорошо бы ещё шерсть чёрной собаки...

— Ой, смотрите, — радостно закричала Антонина, — Мурзик пришёл! Мурзик, Мурзик!.. Посмотри, какая здесь вкуснятина разлита.

Кот радостно заурчал тут же принялся за трапезу. Он так увлёкся, что не услышал, как хлопнула калитка. Это пришла бабушка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БИТВА ВСЕХ ВРЕМЁН И НАРОДОВ

Расследование было решено начать одновременно на обоих берегах реки.

— Этим мы поймаем двух зайцев, — объяснил Санчо. — Чтобы попасть на полигон, нужно перебраться через реку. Если преступник живёт в посёлке, Антонина найдёт его следы на этом берегу. — Он передал знамя Верховному магистру, оттолкнул лодку от берега и уселся за вёсла. — А если мы с Максом найдём следы на том берегу, значит, он не живёт в посёлке. Вопросы есть?

Конечно же, последняя фраза не была приглашением задавать вопросы. Тонька это прекрасно понимала и потому промолчала, хотя вопросов было великое множество. Например, где может жить преступник, если не в посёлке? Считать ли за следы отпечатки босых ног? И почему это она должна искать одна, а они на пару? Да. Вопросы было великое множество, но задавать их не было смысла. Зачем спрашивать, если не от кого получить ответ? Не лучше ли молча в печальном одиночестве ловить этих самых двух зайцев?

— Добрый вечер, сударыня! — Из-за кустов с огромным рюкзаком на плечах вышел Борис Устинович. Рядом с ним важно вышагивал Отелло. — Вы что-то потеряли?

— С чего вы взяли, сударь? — парировала Тонька.

— Вы ходите по песку в глубокой задумчивости и смотрите себе под ноги, ковыряетесь в песке своей палкой...

— Это не палка, а боевое копьё, — поправила биолога Антонина. — С наконечником из поролона, пропитанного плюхой.

— Простите, чем?

— Плюхой, — терпеливо объяснила Антонина. — Она оставляет на одежде чёрные плюхи, а как высыхает, ничего не остается.

— Понятно, — кивнул Буратино, хотя было видно, что ему ничего не понятно. — Значит, вы потеряли что-то из одежды. Хотите, я попрошу Отелло помочь вам? У него исключительный нюх.

— Ах, не стоит его затруднять, — прошелестела Антонина. Иногда она могла вести себя как настоящая леди. — Лучше идите куда шли, а то вы мне всё затопчете.

— Как знаете.

Биолог вытащил из рюкзака какой-то прибор. Антонина вытянула шею. Небольшая коробочка, прямоугольное табло, цифровые клавиши...

— Что это у вас?

— М-м... — замялся Буратино. — Это генератор случайных чисел...

— А зачем он вам нужен?

— Ну... — Он торопливо спрятал прибор в карман и посмотрел Антонине в глаза. — Этот прибор служит для э-э... для работы. Да. Я пометил несколько летучих мышей электронными бирками, и с помощью этого прибора могу определить, где они находятся.

Взгляд у биолога был такой открытый, честный. Поэтому Тонька сразу поняла, что он врёт. Она хотела вывести его на чистую воду, но Буратино отошёл в сторону и сбросил свою ношу на песок. Антонина увидела, что это был никакой не рюкзак, а резиновый мешок, из которого торчали какие-то трубочки, тесёмочки и колечки. Борис Устинович присоединил к одной из трубочек автомобильный насос и начал качать. Мешок начал принимать очертания резиновой лодки.

— А вы на тот берег собрались?

— Да. Уже вечер. Пора и за работу браться. Скоро мои летучие мыши проснутся и...

— И вы будете определять их номера? — невинно спросила она.

Ответить Борис Устинович не успел. С противоположного берега раздался такой вопль, что Буратино от неожиданности присел, а Отелло глухо зарычал. Антонина обернулась.

Из зарослей камыша с копьями наперевес выскочили четверо пиратов Синего Дракона. Антонина их сразу узнала: капитан Лёшка Кишкорез, Весёлый Роджер, Ильяха Абордаж и Ася Чёрная Метка. Знамя с изображением Синего Дракона весело развевалось на копье капитана пиратов.

— Сейчас начнётся... — простонала Антонина. — А я здесь!

— Что начнётся? — не понял Буратино.

— Битва всех времён и народов, после которой реки покраснеют от крови и небо переполнится павшими душами — пояснила Тонька. — Сейчас схлестнутся и начнут друг друга дубасить! Но их четверо против наших двоих!.. Накачивайте быстрее свою лодку, мне тоже срочно нужно на тот берег!

— Значит, и здесь царит война!

— Ещё какая! Рыцари Золотого Льва презирают прибрежных пиратов.

— Стало быть, на той тряпке нарисован Золотой Лев! — догадался Буратино. — А я думал, колобок в парике.

— Это не тряпка, а боевой штандарт, — холодно заметила Антонина. — И не колобок в парике, а Золотой Лев, при виде которого пираты трепещут!

— Что-то не заметно... Скорее твои приятели трепещут.

— Они занимают круговую оборону. Сейчас прольется чья-то кровь!

— Ерунда какая-то! — усмехнулся Буратино, но начал качать заметно быстрее.

— Точно, сударь! Двое против четверых... Самая что ни на есть ерунда! От пиратов мокрого места не остается, а наши потери будут совсем ерундовые: пара шишек да десяток ссадин... Вот увидите. Сушная ерунда. То ли дело, когда трое против семерых... — Она мечтательно прикрыла глаза. — Бывало, такое ристалище закатаешь... Бабушка неделю раны зелёной мазет... Зато есть что вспомнить!

— Так значит, всё это понарошку? Ничья кровь не льётся?

— Сударь, какой вы, право, кровожадный! — укоризненно покачала головой Антонина. — Разумные существа всегда могут договориться между собой. А даже пираты Синего Дракона иногда бывают вполне разумными существами. Вот мы и договорились с ними о еженедельных сражениях на плюхах... Кто получил плюху в грудь, тот считается убитым и выбывает из сражения, а если плюха на руке, то эта рука ранена и ею нельзя шевелить, а если... Короче, тот, кого не коснётся ни одна плюха, считается победителем. О, началось!..

Из боевой шеренги пиратов выступил Лёшка Кишкорез и заголосил во всё горло:

— Эй, сундуки неповоротливые! Выходи на бой! Наши пламенные сердца горят отвагой! Безмозглые увальни! Дети рыжей кошки!

Мало мы вам на прошлой неделе задали! Сейчас ещё добавим!

— О чём это они? — поинтересовался Буратино.

— Это формальный вызов. Такова традиция, — сказала Антонина. — Проигравшая сторона при встречах с победителями обязана молчать два дня. Тяжёлое наказание! Что может быть ужаснее, чем молчать, когда победители болтают без умолку?!.. Позавчера мы случайно проиграли. Поэтому сегодня пираты так красноречивы.

— Жуки колорадские! Свинки морские! Почитатели синего червяка! Сегодня мы вас вздуем по первое число!.. — закричали в ответ рыцари Золотого Льва. Они заняли позицию на крыше лодочного сарая и поэтому чувствовали себя в сравнительной безопасности. — Мы заставим вас молчать целых два дня, до следующего сражения!

Минут через пять обмен любезностями был закончен, и пираты ринулись в атаку.

— Вперёд! Ура! Давай, давай!..

Битва всех времён и народов началась.

— Готово! Что теперь делать? — спросил Буратино, прислушиваясь к отчаянным крикам, стонам и леденящим душу воплям.

— Перевезите меня на тот берег, — взмолилась Антонина. — Я должна участвовать в сражении! Только побыстрее! А то скоро все пираты будут измазаны плюхами, и мне никого не достанется!

— Слушаюсь! — козырнул Буратино. —
Отелло, ко мне! Сударыня, прошу Вас!

Между тем побоище разгоралось: пираты от слов перешли к делу. Илья Абордаж и Ася Чёрная Метка обстреливали укрепившихся на крыше рыцарей комьями земли. Под шквальным огнём рыцарям Золотого Льва пришлось распластаться на крыше своей крепости, только знамя развевалось на копье Великого Магистра. Они пережидали обстрел и не видели, как Весёлый Роджер и Лёшка Кишкорез приставили лестницу и полезли на крепостные стены.

— Тревога! — заорала во всё горло Антонина. — Неприятель на стенах!

Рыцари слышали предупреждение. Они вскочили на ноги и, не обращая внимания на пушечные ядра, бросились отражать нападение. Пока Санчо отражал удары копий, Макс схватился одной рукой за лестницу и принялся её отталкивать. Это было не просто, поэтому он отложил копье со знаменем в сторону и взялся за верхние перекладины двумя руками. Дело пошло лучше. Лестница ходила ходуном, пираты орали, отчаянно цепляясь за перекладины, канониры прекратили огонь, опасаясь ранить своих. И вот лестница отделилась от края крепостной стены и начала медленно падать в сторону. Но — о ужас! — Макс так увлёкся, что не разжал вовремя руки и вместе с лестницей полетел вниз.

Антонина застонала.

— Быстрее, сударь! — кричала она Буратино. — Гребите быстрее, или, клянусь чашей Грааля, я прыгну за борт!

Между тем Верховный магистр ордена Золотого Льва как угорелый носился вокруг лодочного сарая, спасаясь от своих кровожадных недругов. Он был безоружен — копьё осталось на крыше — и растерян, но не утратил присущего ему мужества. На бегу он выкрикивал оскорбления и угрозы преследующим его врагам, но это, похоже, ничуть не портило пиратам радужного настроения. Они понимали, что за всё хорошее нужно платить, а ради такой отличной охоты на предводителя рыцарей можно было вытерпеть что угодно. Баталия набирала силу.

На помощь соратникам с громкими воплями и свистом бросились Ася Чёрная Метка и Весёлый Роджер. Они внесли в происходящее сражение ещё большую неразбериху. Макс вертелся как юла. Все попытки пиратов ужалить его копьём пока кончались неудачей, но Тоньке было понятно, что долго так продолжаться не может.

Понимал это и Санчо. Он кружил по крыше и старался протянуть Максу своё копьё, но, чтобы схватить оружие, тому нужно было остановиться хотя бы на мгновение, а этого мгновения у Верховного магистра не было. И тогда Санчо стал разить врагов сверху, начиная с последнего.

— Давай, Санчо! — подбадривала верного боевого товарища Антонина. До берега оставалось не больше пятнадцати метров, и леди-воительница уже потрясала копьём, стараясь тем самым привести неприятеля в замешательство. — Бей пиратов! Рази!

Больше всех не повезло Весёлому Роджеру. Не обладая из-за излишнего веса присущей соратникам ловкостью, он бежал последним, а потому первым получил разящий удар сверху. С чёрной плюхой на правом плече, чуть не плача, он покинул поле брани, чтобы довольствоваться незавидной участью зрителя.

Вторым пал Ильюха Абордаж. Он чуть волосы на себе не рвал! Ещё бы! Ведь он был всего в двух шагах от безоружной жертвы и вне досягаемости Санчо и уже поднял оружие, но Санчо метнул в него копье, и плюха чёрной кляксой расплылась на пиратской груди... Какое разочарование! Одно только радовало Ильюху: он ушёл отмщённым. Ася Чёрная Метка подхватила упавшее копье и по примеру Санчо метнула его в Макса. Верховный магистр рухнул — в полном изнеможении он растянулся на смятой, вытоптанной траве и закрыл глаза — пал как герой и был вынужден присоединиться к зрителям. Санчо остался один против двоих.

— Я иду! — подбодрила соратника Антонина. — Я уже близко!

Но она опаздывала. Баталия близилась к завершению. Тонька видела, как двое оставшихся в живых пиратов снова приставили к крепостным стенам сарая лестницу и полезли наверх.

Некоторое время Санчо растерянно топтался на месте, не зная, что ему лучше предпринять: спрыгнуть вниз или отстаивать крепость до последнего воина. Рассудок подсказывал ему бежать и уклоняться от битвы до прихода подкрепления в лице Антонины. Но в руках у него был штандарт Золотого Льва, а кроме того, на него смотрели — и Верховный магистр, и враги, и сама Тонька. Поэтому Санчо принял неравный бой. На миру и смерть красна и победа вдвое слаще, решил он.

Когда до берега оставалось метра три, Тонька выпрыгнула из лодки, чуть не перевернув её, и по мелководу бросилась на помощь изнемогавшему в неравном бою Санчо. Увы, она опоздала. Санчо пал, и на груди его стояла чёрная печать смерти. Но он успел ранить Лёшку Кишкореза в правую ногу, и теперь тот мог передвигаться только прыгая на левой. Зато Ася Чёрная Метка была целой и невредимой. Пока Антонина, кипя от негодования, выбиралась из реки, Ася спустилась с лестницы сама, помогла спуститься своему раненому товарищу и теперь ждала Антонину под крепостными стенами и ухмылялась.

Но по мере приближения леди Золотого Льва ухмылка эта становилась всё бледнее и бледнее. Ася знала, как трудно иметь дело с леди-воительницей. Поэтому пираты оцетинились копьями и приготовились к защите.

Антонина старалась поразить их справа и слева. Она кружила вокруг пиратов, но те всё время были начеку: Тоньке самой приходилось постоянно уклоняться от мелькающих вокруг неё копий. Оборона противников казалась неуязвимой. Их было двое, и они держались вместе. А чтобы одержать победу, нужно было разделить их. Только как?!

Лицо Антонины вспыхнуло. Ярость и боевой азарт овладели всем её существом. Будь что будет, подумала она. Потом пронзительно выкрикнула боевой клич ордена Золотого Льва и, забыв об осторожности, ринулась в решительную атаку.

О, нет на свете ничего страшнее и опаснее разъярённой Антонины! Вот она мчится с копьём наперевес, неотвратимая и жуткая, как отцовский ремень, из её горла вырываются пронзительные крики, а в глазах горит неистовая жажда мести. Нет на свете таких крепостных стен, которые бы могли её остановить, нет таких ворот, которые смогли бы задержать её хоть на мгновение, нет такой силы, которая заставила бы её отступить, потому что в пылу сражения леди-воительница не ве-

дает страха. И тогда пиратам, какими бы кровожадными они ни были, остаётся только одно: или глупо, но с честью погибнуть, или искать спасения в стремительном, но мудром бегстве.

Ася Чёрная Метка выбрала бегство. Никогда ещё за все свои девять лет она не встречалась с такой силой ярости, с такой решительностью и безрассудством. Девочка забыла о своём раненом напарнике, помчалась прочь, на другой край света, лишь бы подальше от этого странного, непостижимого, жуткого существа с горящими глазами и разметавшимися по плечам волосами.

— Виктория! — закричала Антонина, пронзая копьём одноногого Лёшку Кишкоре-за. — Полная победа! — закричала она, догоняя и расправляясь с потерявшей от ужаса голову Асей Чёрной Меткой.

Зрители аплодировали. Даже пираты вынуждены были признать мужество леди-воительницы. Аплодировали они молча, потому что договор уже вступил в силу и на уста пиратов легла печать молчания. Даже Буратино аплодировал и восторженно кричал, что никогда в жизни ничего подобного ему видеть не приходилось.

— Сударыня! — говорил он. — Вы меня поразили! Это было просто потрясающе!

— Ну что вы, — скромно опускала глаза Антонина. — Пустяки... Теперь я уже не та, что раньше. Годы, знаете, берут своё.

Буратино вытащил лодку на берег, привязал её к коряге, сказал, что сия битва останется в анналах истории, и, свистнув Отелло, удалился в сторону полигона. Удалились и пираты Левого Берега. Ушли зализывать раны.

— Славный денёк, — сладко зажмурилась Антонина.

— Да уж вечер наступил, — поправил её Санчо.

— Всё равно славный.

— Вот только следов мы не нашли. Эти пираты заморочили голову!.. Ладно. Они своё получили. Поплыли домой. Завтра продолжим поиски. А сегодня Отелло и Буратино всё затоптали.

— Ну и лапищи у этого пса! — заметил Макс. — Как у собаки Баскервилей. Под стать Буратино. У того тоже лапа что надо... — Макс прищурился, оценивая следы биолога. — Размер сорок пятый.

— Что?! — вскричал Санчо.

— Сорок пятый размер, — пробормотал Макс. До него тоже дошло.

— И на полигоне он всё время крутится, и собака у него — чёрный вурдалак.. — задумчиво произнёс Знаменитый следопыт, склоняясь над отпечатками сапог. — А не тот ли это «некто», которого мы ищем?

— Конечно не тот! — рассмеялся дядя Гоша. — Что за игру в бирюльки вы затеяли?!

Лучше скажите мне слово из одиннадцати букв, обозначающее полную бессмыслицу, случайный набор звуков. Начинается и заканчивается на «А».

— Абракадабра, — тут же ответил Макс.

— Верно, — удивился дядя Гоша.

— И вы должны арестовать Буратино.

Дядя Гоша вписал слово в клеточки кроссворда и с уважением посмотрел на Максима.

— Молоток. А кто такой Буратино? Это из сказки, с носом такой?

— Да. То есть нет. И да, и нет. — Макс окончательно запутался. — В смысле, из сказки, но без носа. Вернее, наоборот, с носом... Тьфу ты, чёрт... А ещё у него чёрный вурдалак.

— На носу?

— Да. То есть нет. Вурдалак сам по себе. Но это не вурдалак. Во всяком случае, днём. Особые приметы: левое ухо висит, на лбу печать дьявола, ходит на двух ногах.

— Малыш, — участливо сказал дядя Гоша, — может, тебе к врачу сходить?

— Макс говорит о Ратинове Борисе Устиновиче, — пояснил Санчо.

— Это у него на лбу печать дьявола и левое ухо висит?

— Нет. Ухо висит у Отелло. А Борис Устинович, он же Буратино, он же лжебиолог, носит обувь сорок пятого размера. — Санчо положил перед милиционером нари-

сованный карандашом отпечаток подошвы. — И на командном пункте были такие же следы.

— Точно такие же? — посмотрел на рисунок дядя Гоша.

— Не совсем. Размер тот же. Но те следы оставило чучело... Вернее, не чучело, а тот, кто прикинулся чучелом, хотя на самом деле вовсе не был чучелом, но хотел выдать себя за чучело, чтобы мы подумали, что вас по башке треснуло чучело, поэтому тот, который не чучело, даже отрезок трубы вложил в руку чучела... Вот.

— Ну ты силён! — восхищённо ахнула Антонина. — Я бы так не смогла!..

Дядя Гоша озадаченно почесал затылок. Потом смял листок и бросил его в корзину для мусора.

— Что вы мне голову морочите? — спросил он. — Заладили, понимаешь: чучело, не чучело, Буратино, не Буратино... Делать вам нечего, что ли?

— Мы хотим вывести преступника на чистую воду, — пришла на помощь друзьям Антонина.

— Куда вывести? — не понял дядя Гоша.

— В тюрьму.

— Ну, знаешь, дорогая моя, если я начну арестовывать всех, кто носит обувь сорок пятого размера, никаких тюрем не хватит. Поступно объясняю?

— Но ведь он похитил карту полигона, —

опять встрял Макс. — Хочет сам заграбастать все сокровища!

— Какие сокровища?

— Сокровища Чёрного Генерала, — поделился секретом Макс. — Только никакого Чёрного Генерала нет... Наверное. И мы в него ни капельки уже не верим, и вообще, я всё выдумал, но сокровища-то могут быть, потому что Санчо говорит, что некоторые вещи существуют независимо от того, верим мы в них или не верим. Верно, Санчо?

— Верно.

— Ага. Тогда идите и ищите свои сокровища! — Дядя Гоша снова уткнулся в газету. — Только на полигон больше ни ногой. Увижу, скажу родителям!

— Как же нам искать сокровища, если на полигон больше ни ногой? — удивился Макс.

— А ты их на своих грядках поищи. Заодно и землю перекопаешь. То-то мамка обрадуется.

— Вовсе она не обрадуется! А если я начну копать на её грядках, ещё и выплет мне по вашей милости!

— Подожди, Макс! — Санчо наморщил лицо, будто его мучила жестокая зубная боль.

Разговор не клеился. Разговор всё время уходил куда-то в сторону. И вообще никакого разговора не получалось, потому что дядя Гоша не принимал всерьёз их доводы и убедить его пока не удавалось. Да и как можно убедить

человека, который наивно считает, что со-
кровища могут быть зарыты на грядках,
и спокойно разгадывает кроссворды вместо
того, чтобы брать преступника?!

— А улики? — предпринял последнюю по-
пытку Санчо.

— Какие улики? Отпечаток сапога сорок
пятого размера?

— Да. Во всём посёлке только Буратино
носит этот размер. Мы проверяли.

— Костюмированный праздник при ко-
ролевских дворах в Европе в восемнадцатом
веке, — задумчиво сказал дядя Гоша. — И од-
новременно вращающаяся площадка с сиде-
ньями в виде лошадок. Восемь букв. Начинает-
ся на «К».

— Карусель, — подсказал Максим и доба-
вил: — Это Буратино надел сапоги чучела,
чтобы выдать себя за чучело. И они пришлись
ему впору!

— Ка-ру-сель, — написал дядя Гоша. Он
с тоской посмотрел на рыцарей Золотого
Льва. — Сплошная карусель. Устроили здесь,
понимаешь, костюмированный праздник!..
Вурдалаки, Чёрный Генерал, крылатые вампи-
ры, сокровища...

— Мы помочь вам хотим! — возмутилась
Антонина. — И карту у преступника ото-
брать.

— Что вы привязались к этому биологу? —
устало спросил дядя Гоша. — Приличный че-
ловек, солидный учёный... Мышей изучает.

Ночами не спит. Я лично разрешил ему доступ в блиндаж. Там этих мышей видимо-невидимо! А вы его хотите в тюрьму посадить! У вас доказательства есть?

— А следы от сапог сорок пятого размера?

— У меня, например, сорок второй, — сказал дядя Гоша. — Но я запросто мог бы надеть сапоги сорок пятого. А у Захара Кирилловича Донского сорок первый. Он тоже мог надеть эти сапоги. И что? Мне арестовать почтенного художника? Почему вы решили, что у похитителя моей карты именно сорок пятый размер обуви? А если у него сорок четвёртый? Или сорок третий? Или даже тридцать восьмой? Мне весь посёлок арестовать?! Идите с глаз моих долой, горе-сыщики, и чтобы я вас больше не видел и не слышал!

Горе-сыщики медленно потянулись к двери. Они были посрамлены и чувствовали себя ужасно.

— Эй, знайка, — окликнул Максима дядя Гоша.

— Ну?

— Бестолковый человек, невежда. Шесть букв. На «Д» начинается, на «К» заканчивается.

— Дундук, — выкрикнул Макс. И было непонятно, то ли он отгадал слово, то ли дал определение дяде Гоше.

— Дун-дук, — старательно написал милиционер.

Максим захлопнул за собой дверь.

— Мы должны распутать это дело, — сказал он. — Во что бы то ни стало. Иначе грош нам цена! У кого-нибудь есть план?

— Есть. — Санчо обвёл взглядом лица друзей. — Очень опасный план, с риском для жизни.

— То, что надо, — оживилась Тонька. — Выкладывай.

— Мы должны забраться в логово преступника и отыскать карту. Это будет решающим доказательством его вины. И сделать это нужно сегодня ночью, потому что только ночью Буратино отсутствует. Согласны?

Конечно же, рыцари были согласны. Тонька тут же назвала предстоящий обыск операцией «Каморка папы Карло». Такой уж у неё был дар — всему давать названия. Начало операции было назначено на полночь.

— Не забудь взять Золотого Льва, — напомнил Макс Санчо. — На всякий случай...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«КАМОРКА ПАПЫ КАРЛО»

Тишина обходила дом Закидона стороной. Даже ночью, когда посёлок тонул в бесконечных волнах сновидений, дом художника оставался единственным островом среди безбрежного моря безмолвия. В кустах шиповника стрекотали цикады, чуть поскрипывали распахнутые ставни окна, из которого доносился могучий, сочный, насыщенный глубоким содержанием храп.

Закидон умел храпеть так, как никто другой в посёлке. Казалось, даже во сне старик продолжает вести беседы о жизни, о славных временах, которые ушли безвозвратно, и об искусстве, которого больше нет. И эти ночные рулады Закидона были увлекательнее любого шлягера.

— В ночное время, когда силы зла стелются по земле, подобно ползучим гадам, остерегайся бесовских капищ, ибо вид их, речи и храп могут лишить тебя рассудка... — загробным голосом произнёс Макс.

По плану вместе с Антониной он оставался снаружи: в случае внезапного возвращения Буратино должен был подать сигнал — триж-

ды промяукать. Поэтому Макс мог себе позволить цитировать строки из магических наставлений сколько угодно — всё равно посетить бесовское капище предстояло Санчо.

— Заткнись, — вежливо попросил Знаменитый следопыт. — И без твоих слов мурашки по коже.

Из окна раздался храп, ничем не отличающийся от сдавленного стога. Так стонут плакальщицы по безвременно усопшим.

— Может, отложим операцию, — робко предложила Антонина. Ночью мистические страхи вернулись к леди-воительнице, и теперь она сильно сомневалась в необходимости предстоящего мероприятия. — Вдруг Чёрный Генерал всё-таки существует!..

— Я его выдумал, — напомнил Макс.

— Тогда существует кто-нибудь другой... Днём он — биолог Буратино, а ночью сбрасывает маску и принимает свой подлинный облик. Ой!..

Храп Закидона перешёл в глухое рычание, а потом внезапно стал тише, затаился, словно зверь, высматривающий добычу.

— Он является пожирающим, мстительным и губительным, — нараспев прошептал Макс. — Мольбы и стоны, скрежет зубовой существ, которых он пожирает, — всё это он. Число его имени составляет триста шестьдесят четыре дня. Дней же в году триста шестьдесят пять. Над одним днём он не властен. — Великий Магистр похлопал Санчо по пле-

чу. — Так что ты не волнуйся. Может, сегодня именно этот день.

— Спасибо. Успокоил, — процедил Санчо.

— Знамя возьми с собой. — Макс свернул полотнище в трубочку и протянул Знамени-тому следопыту. — Вдруг Антонина права... Вытащишь, значит, и скажешь: «Отойди от плоти моей, от мяса моего и от костей моих...». Понял?

— Брехня все это, — сказал Санчо, но зная взял, засунул в карман и полез в распахнутое окно.

В комнате царила крошечная тьма. Пахло пылью, табачным дымом, масляными красками и чем-то сухим и терпким, напоминающим запах аптеки. Закидон лежал где-то в углу. Оттуда доносились громовые раскаты его храпа. Санчо засунул фонарик в карман, опустился на четвереньки и по-собачьи, медленно и осторожно, устремился к двери.

Наверное, Закидон никогда не смазывал дверные петли. Они повели себя самым предательским образом: обиженно заскулили, заскрипели сварливо и злобно — хватайте вора, держите его, вяжите его! Даже Закидон перестал храпеть, грузно заворочался, и сердце Знаменитого следопыта забилося так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Но вскоре слышалось начало новой рулады, и Санчо, обмирая от страха, продолжал свой путь через освещенный луной зал.

Старый комод, кровать, кресло с выщерб-

ленными деревянными подлокотниками, платяной шкафом...

Вещи... Они окружают человека всю жизнь: одни уходят, на их месте появляются другие, осторожно осматриваются, потом привыкают, сживаются, становятся незаменимыми. Они впитывают дыхание человека, его мысли, звук его шагов. Они становятся продолжением человека, его товарищами, его защитниками, не позволяющими ему страдать от одиночества. Они создают иллюзию, что человек живёт среди своих друзей, похожих на него, таких же, как он. Судя по нагромождению мебели, у старого художника было очень много друзей среди вещей. Наверное, поэтому он избегал людей и разговаривал то с птицами, то с собаками, а то и сам с собой. В последнем случае он говорил, что с хорошим человеком и поговорить не грех.

Через лабиринты мебели Санчо добрался до комнаты Буратино, прополз внутрь и закрыл за собой дверь.

Каким жалким и несчастным выглядел луч карманного фонарика в этой огромной, почти пустой комнате! Матрас на полу, журнальный столик, несколько полок с книгами, картина на стене, под окном огромная плетёная корзина с крышкой и батарея пустых бутылок из-под вина в углу... И всё.

«Вот и хорошо, что Буратино не дружит с вещами, — подумал Санчо. — Он со своим Отелло дружит и с винными бутылками,

а больше ни с кем. Вот и отлично. Долго искать не придётся.»

Он быстро обшарил рюкзак, пересмотрел все книжки, заглянул в корзину, под матрас... Карты находились под журнальным столиком: были приклеены несколькими полосками лейкопластыря к нижней его поверхности. Санчо засунул плотный пакет за пазуху, а вместо него приклеил книжку под названием «Таинственные и загадочные случаи в истории человечества». Он уже собирался покинуть комнату, но во дворе раздалось тревожное мяуканье. Ещё одно. И ещё. Друзья подавали сигнал. Хлопнула входная дверь, слышались шаги... Тревога! Буратино неожиданно вернулся!

Санчо заметался по комнате, лихорадочно пытаясь найти место, чтобы спрятаться. Теперь он уже проклинал Буратино за то, что тот не дружит с глубокими платяными шкафами, с обширными комодами и вместительными тумбочками, которые могли бы укрыть в своём чреве Знаменитого следопыта. Не прятаться же ему под журнальным столиком, в самом деле! Между тем шаги приближались. Взгляд Санчо остановился на плетёной корзине.

Убежище было превосходным, только очень тесным. Санчо с трудом втиснулся внутрь и закрыл над собой крышку. Видимость оставляла желать лучшего: между прутьями были слишком узкие щели, но выби-

рать не приходилось. Санчо затаил дыхание. Дверь распахнулась, вспыхнул свет.

В комнату вошли трое. Первого Санчо узнал сразу, хотя мог видеть только ноги. Но сапоги сорок пятого размера в посёлке носил только Буратино. Второй мужчина был обут в кожаные ботинки на высоком каблуке. Ступал он уверенно и, видимо, весил немало: доски пола так и скрипели под его шагами. Санчо окрестил его Карабасом. А третий, наоборот, мелко перебирал ногами, обутыми в кроссовки, и всё время держался чуть позади толстяка, будто заискивал перед ним. Поэтому он и получил имя Дуремара.

— К чертям! — пробасил Карабас. — В жизни не поверю, что это невозможно! Что ты мне лапшу на уши вешаешь?! Просто смешно! Верно, Зяма?

— Верно, — откликнулся Зяма Дуремар. — Смешно и очень даже глупо. Как говорил один мой знакомый, царство ему небесное, смеётся тот, кто может себе позволить смеяться. А ты, док, этого позволить себе не можешь.

— Вот-вот... — снова забасил Карабас. — Копаешься здесь целый месяц, и никакого толку! Да за это время можно иголку в стог сена отыскать! Темнишь, док! Ох темнишь... Я это нутром чую. А те, кто в последний момент бросает команду, добром не кончают. Верно, Зяма?

— Прямо в точку! — с готовностью под-

дакнул Дуремар. — Сказано — как отрезано! Не в бровь, а в глаз! Дай я ему врежу раз, и он сразу поймёт, кто он и чего стоит на этом бренном свете... У, гад!

— Подожди, подожди... — осадил Зяму Карабас. — Зачем так? Нужно и человека выслушать. Мы же не звери какие! Мы все друзья-товарищи, только некоторые об этом забывают. А, док? Ведь забывают?

Санчо сидел тихо, как мышка. Он боялся даже пошевелиться. Но тут, как на зло, по его шее начал ползать какой-то зловредный паучок. Наверное, он жил — не тужил в просторной соломенной корзине, плёл свою паутину, а теперь выполз проверить, кто это такой здоровенный попался в его сети. Нельзя было сказать, что Санчо боялся пауков, но прикосновения мохнатых лапок были неприятны.

— Я ничего не забыл! — Голос биолога дрожал от напряжения. — Вы отсыпали бабки, я согласился сделать карту всех уровней. Я и начертил вам карту. Чего вы от меня ещё хотите?

— Туалетная бумага это, а не карта! И толку от неё гораздо меньше.

— Сделал как мог! Забирайте её, и всё, — Санчо услышал, как зашуршала бумага, — я выбываю из игры. У вас свои танцы, у меня — свои песни!

— Шас я тебе станцюю песню, — с угрозой прошипел Дуремар. — Лебединую.

Паучок счёл, что добыча ему попалась не

по зубам, и уполз восвояси. Но тут свалилась иная напасть: Санчо почувствовал, что из-за неудобного положения начали неметь ноги. Будто тысячи маленьких и острых, как коготки котёнка, иголок вонзились в ступни, и те начали терять всякую чувствительность.

— Думаю, что ты врёшь, — веско сказал Карабас. — Думаю, что ты решил нас опрокинуть и загрести всё единолично. А ведь все люди братья. Они должны делиться друг с другом. Зяма, оформи клиента...

Онемевшие ноги так сильно занимали Санчо, что он не сразу обратил внимание на то, что кроссовки Дуремара и сапоги Буратино вдруг начали топтаться друг возле друга, смешно подпрыгивать, будто действительно два взрослых человека решили ночью станцевать лебединую песню. А потом сапоги сорок пятого размера вдруг подкосились и упали на пол. И были отчётливо видны рифленые подошвы и комья грязи на голенищах, и прилипший к каблуку окурок. Сапоги странно подрагивали, будто пытались подняться и снова пуститься в пляс, но у них почему-то ничего не получалось. И опять забасил Карабас.

— Аккуратнее, Зяма, — сказал он. — Так ты его совсем придушишь! А нам нужна карта... Настоящая карта. Где она, док?

— Откуда я знаю? — прохрипел Буратино. И тут его ноги начали выделять такие забавные коленца, как будто назло своим

противникам биолог решил танцевать лёжа.

— Зато я знаю, что кто-то похитил карту у здешнего легавого! Как его?

— Лейтенант Григорий Анохин, — подсказал Зяма. — Дядя Гоша.

— Вот-вот... Расскажи-ка нам, кто это мог сделать?

— Я не знаю, — продолжал упорствовать Буратино.

— Зяма! Товарищ не понимает.

Ноги биолога вновь начали отплясывать.

— Это я! — еле слышно прохрипел он. — Я. Я взял карту.

— Молодец, — похвалил Карабас. — Наконец-то ты решил говорить правду. И как ты это провернул?

Биолог начал рассказывать, торопливо, захлебываясь, но так тихо, что Санчо ничего не мог расслышать. А когда он закончил, Карабас грозно и страшно закричал:

— Карта! Где она? Говори, или тебе крышка!

Некоторое время Буратино молча продолжал дрыгать ногами, а потом сдался:

— Ладно... Всё, хватит! Довольно... Журнальный столик... Карта приклеена снизу.

— Вот это другое дело, — ласково произнёс Карабас. В поле зрения Санчо появились сначала его ботинки на высоком каблуке, а потом и весь Карабас — коренастый толстяк с густой чёрной шевелюрой. Вот только борода, в отличие от прототипа, у него не была та-

кой длинной. — Вот теперь у нас наступят дружба и взаиморасчёт.

Он нащупал руками приклеенную Санькой книжку, вытащил её и несколько мгновений рассматривал. Потом перелистал, потряс, надеясь, что из неё что-нибудь выпадет. Но ничего из неё не выпало, и это обстоятельство повергло Карабаса в глубочайшее изумление. Наверное, он просто не верил своим глазам.

— «Таинственные и загадочные случаи в истории человечества», — прочёл он название книги и тут же отшвырнул её в сторону.

Щёки его налились багрянцем, брови нахмурились. Он вскочил на ноги и изо всей силы пнул бедного Буратино ботинком в живот.

— Сейчас произойдёт самый таинственный и загадочный случай в истории человечества, — прорычал он. — Но ты его не увидишь.

— Нет! Не нужно! Карта должна быть там!

— Её там нет! Где она?

— Я не знаю!

— Кончай его, Зяма!..

Сапоги сорок пятого размера застучали, зашаркали каблуками по полу, потом вдруг расслабились и обессиленно замерли, а во дворе протяжно и жалобно завыл Отелло. Говорят, собаки чувствуют смерть хозяев.

Это было ужасно. Санчо зажмурил глаза, чтобы ничего не видеть, потому что это было просто невыносимо. Одно дело, когда убивают в кино: ты знаешь, что всё это понарошку,

где-то далеко, за мерцающим экраном телевизора. А вот когда так, в двух шагах от тебя, душат живого человека и ты понимаешь, что это по-настоящему, без дураков, — это совсем другое дело! Санчо был в панике. Он не знал, что ему делать: закричать во всё горло, чтобы проснулся сладко храпевший Закидон, или бежать за помощью, или броситься на убийцу и погибнуть с честью?..

Как трудно выбрать верное решение из неисчислимого множества вариантов! И чтобы найти линию поведения, нужно понять, кто ты: отважный рыцарь Золотого Льва, известный своей выдержкой Знаменитый следопыт или маленький, испуганный донельзя мальчик?

Конечно, в данной ситуации хотелось бы проявить себя Знаменитым следопытом, смелым, отважным рыцарем без страха и упрёка. Следовало бы броситься на жестоких убийц и обратить их в паническое бегство. Но Санчо был в таком ужасе, что не мог и пальцем пошевелить. Он никак не ожидал, что кто-то способен вот так просто взять и убить человека. Взять и убить!.. Взять и...

Некоторое время стояла гробовая тишина. Потом раздался удивлённый голос Карабаса:

— Э! Да ты его задушил?!

— Так ты ж сказал: кончай его. Я и кончил!

— Дурак! Я припугнуть хотел. А ты!.. Как мы сейчас найдём карту?

— Не знаю.

— Чёрт! — Ботинки на высоком каблуке забегали по комнате. — Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

— Ну, извини... Перестарался малость. Я просто не понял...

— Заткнись, осёл! — Ботинки прекратили свой бег по кругу и остановились. — Значит, так... Перетащим его в багажник... Нет. Оставим его здесь. Повесим на люстру. Пусть легавые сочтут это самоубийством. Разочаровался человек в своей работе, надоели ему дó смерти летучие мыши, вот он и полез в петлю. Верно?

— Гениально, — оживился Зяма. — Ну ты голова! Ну ты даёшь!..

— Верёвка есть?

— В багажнике.

— Неси. А я пока стремянку поищу.

— А если этот художник проснётся? Кончать?

— Не проснётся. Я ему бутылку дал. Да и зачем его кончать?

— Он же нас знает!

— Что он знает? Что мы друзья Бориса Устиновича, его, можно сказать, коллеги? Ну и что? Мы приехали помочь в работе своему сотруднику и не виноваты, что он повесился. Верно?

— Верно!

— Тогда за дело. А потом обыщем всю комнату. Может, карта спрятана где-то здесь.

Комната опустела: Зяма на цыпочках умчался за верёвкой, а Карабас шарил в зале —

искал стремянку. Санчо понял, что ему представилась чудесная возможность покинуть помещение. Когда преступники начнут обыск, сделать это будет уже невозможно. «Ах, какой сюрприз, — скажут они, вытаскивая Санчо из корзины. — И что это у него за пазухой?» А потом кончат его, как кончили бедного Буратино, потому что ни один уважающий себя убийца не оставит в живых свидетеля. Санчо только на миг представил себе, как его сандалиии отплясывают на полу лебединую песню, и ему стало очень плохо.

Он вывалился из корзины. Несколько мгновений лежал, не в силах пошевелиться — онемевшие ноги горели огнём, — а потом поднялся, открыл окно и прыгнул во двор.

Около крыльца слышалось яростное рычание Отелло и сдавленная ругань Дуремара. Пёс вцепился в убийцу, мстя за смерть хозяина. Потом послышался звук удара и собачий визг. Санчо на негнущихся ногах заковылял к дырке в заборе, где его напряжённо ждали друзья.

— Бежим! — прошептал он. — Быстрее! Иначе меня кончат. А за компанию и вас.

Уговаривать рыцарей не пришлось. Измученные долгим ожиданием, полуночными страхами и тревогой за товарища, они припустились со всех ног, а Санчо на бегу рассказывал им о карте, о разговоре между бандитами, о жуткой смерти биолога Бориса Устиновича Ратинова и ещё о том, что он совершенно не

представляет, что им делать дальше, потому что напуган до смерти и совершенно не в состоянии соображать.

Санчо испугался бы ещё больше, если бы узнал, что, вернувшись со стремянкой в комнату, Карабас увидел опрокинутую корзину, распахнутое настежь окно и сразу же всё понял. Он заглянул в корзину и вытащил оттуда скомканный кусок белой тряпки, на котором оранжевой гуашью было нарисовано странное существо.

— На коlobка похоже, — сказал Зяма-Дуремар. — Только сильно небритого.

— Кажется, мы были здесь не одни, — задумчиво сказал Карабас. — Кажется, кто-то сидел в корзине и всё видел. И не удивлюсь, что этот кто-то прихватил с собой карту. Проблема... Но мы её уладим. Верно, Зяма?

— Верно сказано, — откликнулся Дуремар. — Лучше и не скажешь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Ася Чёрная Метка подкралась незаметно, как и подобает пиратской лазутчице. Эти сундуки неповоротливые — рыцари ордена Золотого Льва — ничего не заметили: сидели себе за своим дурацким круглым столом и во весь рот зевали, видно, не выспались. Зевали они так сладко, что Ася и сама зевнула, хотя спать совсем не хотела.

— Давайте что-нибудь решать, — сказал Великий Магистр. — А то сидим, молчим... Я сейчас засну. Да и не верю я... Санчо! Может тебе всё привиделось?

— Нужно идти и брать их за глотку, — рубанула с плеча леди-воительница. — А там и разберёмся!

— Ага, — протянул Санчо. — Они сами тебя возьмут за глотку. Мало не покажется.

Ася подобралась ещё ближе. Это было интересно. Значит, эти рыцари не такие уж и смелые. Ишь как Санька боится пиратов! А его приятели, видимо, настаивают на новом побоище. Ася устроилась поудобнее, чтобы выведать все секреты, а потом придумать в пику этим слепым курицам какую-нибудь каверзу.

— Хуже всего, что ты знамя посеял... Конец нашему Ордену. Это как в армии: если полк теряет знамя, его расформируют. Где ты его мог потерять?

— Не знаю, — опустил голову Санчо. — Наверное, когда бежали по улице... Не помню.

— Без Золотого Льва мы проиграем прибрежным пиратам, — уныло сказала Тонька. — Они и сражаться с нами не станут. Скажут: что это за голытьба без роду, без племени? Нужно объявление повесить. Мол, кто найдёт штандарт Золотого Льва, тому ничего не будет.

— Ага! Пираты тоже умеют читать! — всплеснул руками Макс. — А если они узнают, что знамя пропало, то... засмеют.

— Тогда пошли к дяде Гоше, — предложил Макс. — Скажем: так и так. Потеряно знамя Ордена. Заодно расскажем и про убийство. Он отыщет нашего Золотого Льва, а преступников скрутит и отдаст под суд. А судья посадит их в тюрьму.

Из всего разговора Ася поняла только одно: рыцари потеряли свой боевой штандарт и теперь хотят привлечь к делу дядю Гошу. Это было нечестно. Ася даже хотела выскочить из укрытия и высказать рыцарям все, что о них думает. Это же надо: впутывать взрослых в поединок между кланами! Но тут, к счастью, Санька отверг предложение Верховного магистра.

— А на суде кого в свидетели вызовут? — спросил он и сам же ответил: — Нас вызовут. И все нас увидят. В газетах будут напечатаны наши фотографии, и по радио будут говорить о нас: вот они, герои, а проживают они там-то и там-то. А если у бандитов есть сообщник, он постарается покончить с опасными свидетелями. С нами, значит. Или если бандитов отпустят? Что тогда?

— Как это отпустят? — опешил Макс.

— А так... Под залог. В американских фильмах их всегда выпускают под залог, они расправляются со свидетелями — и делу конец.

— А доказательства! — кипятился Макс. — У нас есть карта полигона!

— Это не доказательство. Бандиты скажут, что видят её первый раз в жизни, и это будет правда.

— А труп Буратино?! Если ты не врешь, то у них руки в крови. С таким доказательством их даже дядя Гоша не отпустит! Чего бояться?

Возразить было нечего. Даже самый доверчивый милиционер вынужден был бы арестовать убийцу, на руках которого ещё не высохла кровь жертвы. Однако Санчо считал дядю Гошу доверчивее самого доверчивого милиционера и потому согласился с предложением Макса при условии, что карту полигона они пока оставят у себя. Хватит с дяди Гоши и трупа Буратино.

— Пошли, — сказал Санчо. — Только говорить буду я. А то Макс опять про призраков начнёт и всё дело испортит.

Неразлучная тройца поднялась из-за стола и помчалась к калитке. Ася была в недоумении. Потерянный штандарт, труп, карта, бандиты... Это кто бандиты! Это пираты — бандиты! Какая наглость! Пираты — это пираты, а никакие не бандиты! Она всё расскажет своим, и тогда наступит время мести: реки покраснеют от крови и небо переполнится павшими душами! Ася Чёрная Метка вылезла из укрытия и побежала на берег, где её с нетерпением поджидали друзья-разбойнички.

Они сидели в комнате — да, да, в той самой комнате — и разговаривали, как будто ничего не произошло. Санчо отчётливо слышал каждое слово. Он наотрез отказался зайти в дом вместе с дядей Гошей. Максим и Тонька тоже не изъявили желания сопровождать милиционера. Вместо этого рыцари притаились под окном и старались не пропустить ни слова.

— ...А не попрощался он, потому что очень торопился. Дело не терпело отлагательства.

Это был голос Зямы.

В этот момент раздался стук. И в комнату вошёл дядя Гоша.

— А-а, — весело закричал Закидон. — Моя

милиция меня бережёт! Заходи, Григорий Иванович, заходи, дорогой. Присаживайся. Мы тут с приятелем сидим, вином балуемся... Зиновий, налей товарищу.

— Никаких «налей», — отрезал лейтенант. — Я при исполнении. Пришёл по делу.

— Нужно иногда забывать о делах, — поучительно сказал Закидон. — В мире есть столько прекрасных вещей! Вино, дружеская беседа, искусство... Впрочем, искусства уже нет. А почему?

— Почему? — спросил дядя Гоша.

— Ну всё, — с досадой пробормотал Санчо. — Теперь Закидон заморочит ему голову. Никого он не арестует, потому что через минуту забудет, зачем пришёл. Говорили же ему... Эх!

— А потому что мало осталось художников, — сел на своего конька художник. — И совсем не осталось настоящих ценителей, которые бы понимали и чувствовали живопись!

— Ну, знатоков у нас хватает, — подал голос Зяма. — Этого добра у нас пруд пруди.

— Невежды они, а не знатоки, — взревел старый художник. — Некоторые ходят раз в год в музей и считают себя знатоками, а сами ни ухом ни рылом... А нужно ходить каждый день и смотреть на картины часами. Ты садись, Иванович, садись. И посмотри на эту картину. Месяц назад закончил. Ну как?

— Ну... — неопределённо промычал дядя Гоша. — Я, собственно...

— По твоему лицу я угадываю, что ты о ней думаешь. Всё правильно: ничего путного ты о ней не думаешь, потому что не в силах угадать творческую мысль художника.

— Да?.. — с сомнением произнёс лейтенант.

— Уверен. А ведь мне удалось вложить в своё произведение глубочайший смысл! Я проанализировал традиции нашего общества и отобразил их на этом полотне. Что ты видишь?

— Цыплёнка. Наверное, только что вылупился из яйца. Вон скорлупа. Только цыплёнок почему-то фиолетовый. Но я хотел спросить...

— Минутку. Я сейчас тебе отвечу. Ребята...

Послышалось бульканье, звон стаканов, причмокивание.

— Ну и гадость! — брезгливо пробормотал художник.

— Картина?

— Нет. Вино. И как его люди пьют?! Н-да... На чём я остановился?

— На цыплёнке, — услужливо подсказал Зяма. — Ты закусывай, Кирилыч, закусывай. А то досказать не сможешь. А народу интересно, почему из яиц начали вылупливаться фиолетовые цыплята.

— Никто ниоткуда не вылупливается! Речь идёт о превращении.

— Всё понятно, — ахнул Зяма. — Яйцо превратилось в цыплёнка. Гениально!

— Нет. На картине вы видите не превращение яйца в цыплёнка, а наоборот, превращение цыплёнка в яйцо. Я воспользовался старой, всем известной поговоркой, чтобы показать движение нашего общества.

— А куда направлено это движение?

— Конечно же, к первоисточкам! — вдохновенно воскликнул Закидон. — К стародавней гармонии, к первозданной чистоте нравов, прочь от ужасов, которые несут с собой прогресс и американские стереотипы. Именно в этом и заключается нравственный подвиг цыплёнка!

— Кто бы мог подумать... — пробормотал дядя Гоша.

— Зиновий!.. — Закидон снова призвал собутыльника к действию. — Наливай. лейтенант?..

— Я при исполнении, — машинально ответил дядя Гоша. — Кстати, а где Борис Устинович?

— Нашему коллеге пришлось срочно уехать, — сказал Зяма. — Но вы не огорчайтесь: мы с коллегой продолжим его дело. Он оставил нам план работы, наметил цепь экспериментов... Наука не должна стоять на месте. За это и выпьем!

И снова послышался звон стаканов.

— А где ваш коллега?

— Он подбросил Бориса Устиновича к городу. Скоро вернётся. А я вот остался. Ногу поранил. Собака цапнула.

— Собака? Может, она бешеная?! Нужно вызвать врача!

— Нет. Не нужно. Спасибо за заботу.

— Как знаете... А что ж Борис Устинович так торопился? — продолжал расспросы дядя Гоша. — Не попрощался даже.

— Его любимый племянник заболел... — пояснил Зяма-Дуремар. — Температура под сорок. Вот Ратинов и сорвался с места, позабыв обо всём.

— А адресок племянника случайно не помните?

— Нет. Случайно не помним. Где-то в Подмосковье... — продолжал беззастенчиво врать Дуремар. — Дело в том, что мы с Ратиновым соседи. Телефона у него нет, поэтому звонят обычно мне. Я как узнал об этом несчастье, сразу сюда, а Боря сразу отсюда. Мы с коллегой подменим друга, чтобы ему от начальства не влетело. Начальство у нас строгое.

— У нас тоже, — кивнул дядя Гоша. — А документики у вас имеются?

— А как же! Вот, пожалуйста, начальник. Проверяйте. Это мой паспорт.

— Ну зачем так? — смутился дядя Гоша. — Какой я начальник? Я для порядка спрашиваю...

— Понимаем, понимаем... — хохотнул

Дуремар. — Наша служба и опасна и трудна...

Едва лейтенант начал изучать паспорт Дуремара, как раздался стук и в комнату вошёл почтальон Петрович.

— Телеграмма, — сказал он. — На имя Зиновия э-э...

— Это от Ратинова, — вскричал Дуремар. — Что с его племянником?

— Распишитесь в получении... Вот здесь. Хорошо.

— Доехал благополучно. У племянника свинка... Борис. Хм. При чём здесь свинка?

— Это болезнь такая, — пояснил дядя Гоша. — Дайте мне телеграмму... Ага. Отправлена сегодня утром из города... Подпись: Борис... Н-да...

— Вас что-то удивляет?

— Да так...

— А всё-таки?

— Поступил сигнал, что в этом помещении произошло убийство. По должности я обязан проверить.

Раздался громкий хохот, и громче всех смеялся Зяма.

— Убит! — заливался он. — А он телеграмму прислал! Это покойник-то! Да... Плохие у вас осведомители, товарищ лейтенант. Помоему, они над вами просто подшутили.

— Возьмите телеграмму... И документы. Всё в порядке. — Дядя Гоша прокашлялся. — Прошу меня извинить. Неверная информация. Ух и задам я этим шутникам!..

Санчо в отчаянии обхватил голову руками. Бывают на свете наивные простаки, но дядя Гоша им всем фору даст!

— Нет, начальник! — заливался Зяма. — Ты должен все здесь осмотреть. Может, мы спрятали труп под матрасом? Или в той соломенной корзине? Или в бутылке? Ой, не могу!.. И кто ж тебе такой сигнал дал, а?

— Да так.. Мальчонка один.

— Уходим! — шепнул Санька друзьям. — Конец мне!

Они помчались прочь от проклятого дома, от кровожадных злодеев и от бестолкового дяди Гоши, которого не обманет только ленивый. Смертельная опасность нависла над головой Знаменитого следопыта, и надеяться ему уже было не на кого. Оставалось только бежать — бежать на край света, подальше от бандитов и от попустительства властей, сменить имя, причёску, спрятаться под одеяло, всё позабыть и начать новую жизнь, потому что не хотелось, ох как не хотелось ему танцевать лебединую песню под дудку беспощадного Зямы.

Ася Чёрная Метка так спешила рассказать пиратам о разведанных секретах, что едва не попала под машину. Чёрный «Форд» вильнул в сторону и затормозил так резко, что развернулся поперёк дороги. Ася остолбенела.

Когда осело облако пыли, она открыла гла-

за и увидела перед собой водителя. Это был полный мужчина с такими же чёрными, как его машина, глазами. Брови мужчины сердито хмурились.

— Тебя в школе не учили правилам дорожного движения?! — строго спросил он.

— Я... Меня... — в растерянности промямлила грозная пиратка. — Обходите автобус, троллейбус сзади, трамвай — спереди. Вот.

Руки её дрожали, губы тряслись, а в голове царил полная сумятица. Видно, сердитый водитель понял её состояние. Он усмехнулся, погладил Асю по голове, словно она была совсем маленькой, и спросил, как её зовут.

— Ася, — ответила девочка. — Но можно называть Ася Чёрная Метка.

— Ага, — закивал головой водитель. — Припоминаю. Пираты, остров сокровищ, последнее предупреждение, пиастры, пиастры... — Он улыбнулся ещё шире и протянул руку. — А меня зовут Константин Михайлович. Но можно называть Костя Золотой Пиастр.

— Нельзя, — покачала головой девочка. — Вы не приняты в Береговое братство. И на золотой пиастр вы не похожи...

— А на кого я похож?

— На Карабаса-Барабаса.

— Годится. — Карабас пожал Асе руку. — А ты куда так спешила? Не на abordаж? Может, подвезти?

— Мама не разрешает мне садиться в ма-

шину с незнакомыми людьми, — сказала девочка.

— Но ведь мы уже знакомы.

— Да, действительно... Тогда подвезите меня на Тортугу.

— Куда?

— К реке. — Ася решительно направилась к машине. — Я вам покажу. Только побыстрее: мне нужно предупредить своих друзей о заговоре. В любую секунду может начаться битва, и тогда реки покраснеют от крови и небеса переполнятся павшими душами. Понимаете?

— Нет, — честно признался Карабас. Он завёл мотор, и машина медленно тронулась с места. — А кто плетёт нити заговора? Если, конечно, это не секрет.

— Конечно, секрет... — многозначительно сказала Ася. — И я не могу рассказать его непосвящённому, хотя о подлости рыцарей Ордена Золотого Льва нужно бы трубить на каждом углу. Представляете, они хотят пожаловаться дяде Гоше! Сами потеряли знамя, а свалить всё хотят на нас! Теперь поверните налево... И прямо — вон до того столба.

— Пожаловаться милиционеру?

— Угу. Хотят, чтобы он отыскал их Золотого Льва. А ещё называют нас бандитами, хотя мы пираты, — пожаловалась Ася. — А ещё вынашивают коварные планы: хотят взять нас за горло и посадить в тюрьму, но боятся, что у нас есть сообщник! Только никакого сообщника у нас нет, просто рыцари такие трусли-

вые! Мухи они сонные! Целое утро зевают, зевают... Будто ночью не спали.

Карабас с интересом посмотрел на девочку:

— Не спали?... Хм... А вот знамя... Как оно выглядит?

— Ничего особенного. Белый фон, Золотой Лев. Вернее, не золотой, а оранжевый, потому что золотой краски у них не было. Но на самом деле лев, конечно, золотой. В честь него рыцари и называли свой орден. Говорят, что Лев — это сила добра, потому что он сильный и сверкает. И перед ним в ужасе разбегаются тени зла. Только наш Синий Дракон в сто раз лучше! Он ужасный и...

— Подожди, подожди, — прервал девочку Карабас. — А как зовут рыцарей и где они живут?

Ася Чёрная Метка подробно перечислила рыцарские звания своих недругов и дала адреса их родовых замков.

— А ещё у них есть карта, — прошептала она.

Машина вильнула в сторону и чуть не врезалась в телеграфный столб. Карабас еле справился с управлением.

— Какая карта? — спросил он.

— Не знаю. Пока не знаю. Они хотят что-то доказать этой картой. Взглянуть бы на неё одним глазком... У нас тоже есть карта — настоящая, пиратская, с крестиком на месте закрытых сокровищ. Лёшка Кишкорез её два дня

рисовал. Только мы никаких сокровищ всё равно не нашли. Наверное, он не там крестик поставил.

— А та карта... Рыцарская. — Карабас заметно волновался. — У кого она?

— У рыцарей.

— У кого именно? — Он едва удерживался, чтобы не сорваться на крик.

— У Санчо. Убрать паруса!

— Что?

— Бросить якорь! Приехали.

Карабас резко затормозил. Ася Чёрная Метка выскочила из машины и помчалась к поджидавшим её соратникам, чтобы только им одним рассказать о страшно секретной тайне.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Санчо пребывал в такой печали, что даже отказался купаться. Конечно же, Макс и Тонька из солидарности тоже не полезли в воду. Так они сидели на берегу, смотрели на блики, весело играющие на речных волнах и молчали. Где-то высоко в небе, невидимый, выводил трели жаворонок, шелестел камыш, а на том берегу дружно квакали лягушки.

— И отец сейчас где-то в Полесье, на съёмках, — шмыгнул носом Санчо. — А матери разве расскажешь такое? — Он тяжело вздохнул. — Пропала моя головушка.

— Рыцари Ордена Золотого Льва не должны унывать в такой ситуации, — попробовала успокоить Санчо Антонина.

— Да? А в какой ситуации они должны унывать?

— Ни в какой. — У Тоньки на любой вопрос всегда находился любой ответ. — Пропадать нужно с улыбкой, весело хохоча в лицо врагу. Я знаю, что у тебя получится. Это так просто.

Санчо опять вздохнул. Он совсем не был уверен, что это так просто.

— У меня бы, например, получилось. — Тонька мечтательно закрыла глаза. Наверное, видела себя Жанной д'Арк вокруг пламя, пала-чи подкидывают вязанки хвороста, а она хохочет в лицо епископу города Бовэ, и богословам Парижского университета, и святым инквизиторам...

— Дура ты, Антонина, — сказал Макс. — Неужели не понимаешь, что бандиты покончат со всеми нами? Удавку на шею, и — прощай, любимый город...

— Как удавку?.. — Антонине сразу стало не по себе. Теперь она тоже не была уверена, что сможет смеяться в лицо врагам. С удавкой на шее особо не посмеёшься. — И мне тоже удавку?

— Всем! — отрезал Макс. — Поэтому мы должны искать помощи.

— Искали уже, — утрумо сказал Санчо. — Теперь дядя Гоша горит желанием нас выпороть. Вот жизнь! — всплеснул он руками. — Налево пойдёшь — выпорют, направо пойдёшь — удавят, прямо пойдёшь...

— ...утонешь, — закончила Тонька. Она посмотрела на реку, прищурилась. — Здесь у берега сразу метра три глубина. Без лодки — никак.

— Если, конечно, по воде ходить не умеешь, — задумчиво произнёс Макс. — Чёрный Генерал, например, умеет.

— Кто о чём, а червяк о рыбалке... — возмутился Санчо. — Опять ты за своё?!

— Я о призраках говорю. У них и надо искать помощи. У оккультных сил!

— У кого?

— Ну... — замялся Максим. — Я нарисую на песке пентаграмму и вызову чью-нибудь заблудшую душу. Мы спросим, что нам делать, а дух всё подробно изложит.

— Понятно, — захлопала в ладошки Антонина. — Давай, вызывай быстрее! А кого ты вызовешь?

— Обычно вызывают Наполеона. — Максим принялся вычерчивать на песке геометрические узоры. — Или, на худой конец, Шекспира.

— А я ни по-французски, ни по-английски... — покраснел Санчо.

— Я тоже, — сообщил Макс. — Ни ухом ни рылом.

Друзья с надеждой посмотрел на Антонину.

— «Бейсн, бейсн» по-английски, а по-русски «чан и миска», — сказала Антонина. — По-немецки «шпрехен зи», а по-русски «говори».

— Понятно. Только ты лучше ничего не говори. Будем вызывать кого-нибудь русско-говорящего, — сказал Макс. — У меня всё готово. Теперь садимся вокруг пентаграммы, берёмся за руки и вызываем... Кого мы вызываем?

— Буратино! — выпалил Санчо. — У него на бандитов зуб имеется. Он нам как нужно назовет!

— О, беспокойный дух, — забубнил Верховный магистр. — Заклинаю тебя печатью Соломоновой, тайным заговором вызова и светлым ликом Золотого Льва — приди и поведай, как нам избавиться от напасти злокозненной и победить врагов своих, как солнце побеждает луну...

На солнце набежала тучка, откуда-то налетел ветер, и сразу же тревожно закачался камыш, и ровная гладь реки покрылась рябью, и жаворонок в поднебесье замолк. Санчо почувствовал, как вспотела ладошка Антонины.

— ...Поддай знак о своём приходе стуком костей, или скрежетом зубовным, или стоном отчаянным, — продолжал бубнить Макс. — Ибо невидимы проклятые души для глаз людских и узнаются только по следам своим...

Ветер ерошил волосы спиритов, бросал в глаза пригоршни песка, пытался стереть узор на песке. Ветер заглушал слова знатока магии, и тому приходилось говорить всё громче и громче.

— ...И оставайся внутри пентаграммы, пока не ответишь на все наши вопросы, — прокричал заключительную фразу Макс.

И тут ветер внезапно стих и откуда-то слева, из камышей, послышался тонкий, жалобный вой. Антонина вцепилась в руку Санчо мёртвой хваткой, даже костяшки пальцев побелели.

— Никогда бы не подумала... — сдавленно прошептала она.

Похоже, Макс и сам не верил, что дух биолога снизойдет до приятельской беседы. Но факты — упрямая вещь: духа попросили подать сигнал о прибытии — и он подал.

— Спрашивай ты. — Горло у Макса пересохло, и потому он решил передать инициативу Санчо. — Только по делу.

— Э-э... Как дела, Буратино?

Ветер пронёсся над камышами, и снова раздался вой, короткий, как стон.

— Неважные у него дела, — перевёл Макс. Он уже немного пришел в себя. — Только ляссы ему точить некогда. Ты конкретно спрашивай, чтобы ответ был «да» или «нет».

— Ты мёртвый?

В ответ не раздалось ни звука.

— Болван! — в сердцах воскликнул Макс.

— Почему он болван? Может, просто не хочет говорить.

— Ты болван, — уточнил Макс, — если задаёшь такие дурацкие вопросы. Конечно, Буратино мёртвый, иначе его дух не бродил бы по окрестностям! Ты про знамя спроси: отыщем мы его или нет?

— А куда тебя спрятали? — спросил Санчо. — Закопали?

Тишина.

— Нет, — уверенно сказал Макс. — Не закопали. Так бросили. Ты про знамя спроси! Что ты ерунду всякую спрашиваешь?!

— Если он скажет, где его тело, тогда мы докажем дяде Гоше, что убийство всё-таки произошло!

— Хм... Насчет «болвана»... Беру свои слова назад, — извинился Макс. — А про знамя всё-таки спроси. Завтра очередное ристалище.

— Тебя бросили на той стороне реки?

Дух жалобно заскулил. Мол, на той стороне бросили, чтоб им пусто было.

— Далеко от берега?

Дух молчал.

— Нет. Ты всё-таки болван, — сказал Макс. — Как понять «далеко»? Для меня, например, два шага до магазина — это далеко, а полдня до лесного озера — близко. Потому что расстояние тоже относительно!

— Тогда сам спрашивай, — рассердился Санчо.

— И спрошу!

— И спроси!

— А давайте лучше я спрошу, — влезла в перепалку Антонина.

Пока рыцари препирались за право задавать вопросы, из-за тучки выглянуло солнце и ветер стих. Дух больше не отвечал. Может, он не любил яркий свет. А может, ему наскучило ждать конца перепалки и он ушёл по своим призрачным делам. Макс чуть не плакал: никакой информации об утерянном знамени получено не было. А Санчо старательно записывал в блокнот приметы места захоронения несчастного биолога.

— «На том берегу... Брошен просто так... В смысле, не погребён...» — Санчо удивлённо уставился на Макса. — Бандиты оставили тело валяться на виду у всего честного народа?! Что-то не верится!..

— А что? На той стороне полигон. Там никакого честного народа нет. Только мы да дядя Гоша.

— Всё равно... Странно. Хотя это значительно упрощает поиски.

— Побежали за вёслами! — нетерпеливо предложила Антонина.

— Подожди, — остановил её Санчо. — Призрак говорил с нами из-за камышей. Нужно осмотреть это место... В целях следственного эксперимента. Действительно ли призраки не оставляют следов?

Он отважно направился к зарослям, но чем ближе к ним подходил, тем медленнее становились его шаги. Перед стеной камышей он на мгновение остановился, прислушался, а потом отчаянно, как в омут головой, нырнул в заросли. Некоторое время ничего не происходило. Затем Санчо выскочил из камышей и замахал рукой.

— Сюда! Скорее сюда!

Посреди зарослей, на примятом камыше, лежал Отелло. Он слизывал кровь с раненой лапы и время от времени жалобно скулил.

— Бедненький, — присела рядом с псом Антонина. — Нужно перевязать тебе лапку!

Поистине, время — категория относительная. Это Санька понял за столом. Обед тянулся как целое столетие. Можно было стать взрослым, состариться и умереть, пока опустеет тарелка супа.

— Мам, я больше не хочу, — взмолился он.

Лариса Станиславовна хлопотала у плиты и потому к просьбе сына отнеслась без должного понимания.

— Пока не съешь суп, никуда не пойдёшь.

— Ну, мам...

— Разговор окончен!

Там, на берегу реки, в камышах, лежал раненый и наверняка голодный Отелло, и эта мысль лишала Саньку обычного аппетита.

— Мам! А у тебя косточка есть?

— Что?

— Косточка. Или кусочек сырого мяса.

— Боже мой! — Лариса Станиславовна вытерла руки и присела рядом с сыном. — Что? Так невкусно? Может, соли маловато?

— Нет. Соли хватает. Но мне нужно сырое мясо для... для друга.

— Твой друг питается костями и сырым мясом?

— Его вообще никто не кормит. То есть раньше кормили, обычно по ночам. Он только из рук брал. А теперь перестали. Он кровь свою сосёт.

— О господи! Ну и родители нынче пошли! — Лариса Станиславовна была в ужасе. —

Приведи его скорее сюда! Вот суп, коврижки... Я накормлю его как человека!

— Как человека не нужно, — покачал головой Санька. — Он питается по-особому.

— Костями и мясом? Сыроедение?

— Угу. И сюда его не затащишь никакими коврижками. Я пробовал, но он тяжёлый. И Тонька его упрашивала, только он всё равно никуда не пошёл: облизал ей ноги и отказался.

— Облизал ей что?

— Ноги. Но это из благодарности. А так он всё время сам себя облизывает. И глаза у него, мама, такие грустные. А ухо совсем провисло. Мы свистели, звали его и так и эдак, а он — никак. Лежит — и всё.

— Что значит «лежит — и всё»?

— Ослаб, — пояснил Санька. — Один раз, правда, поднялся на ноги и помочился прямо Максиму на босоножки. А потом опять лёг.

— А что Максим?

— Ничего. Разулся. Только зря Максим это сделал, потому что от правой босоножки остались одни лоскутки.

— Твой друг их порезал?

— Не порезал, а сгрыз. И так, знаешь, быстро. Мы глазом моргнуть не успели. А зубы у него белые-пребелые, хотя он ни разу в жизни не пользовался зубной щёткой.

— Не может быть.

— Уверяю тебя. Так как насчёт сырого мяса?

— Возьми в морозильнике... — Лариса Ста-

ниславовна находилась в полном замешательстве. — Котлеты хотела сделать, но раз такое дело... А как зовут этого твоего друга? Из какой он семьи?

— Он очень родовитый. По морде видно. Весь чёрный, только на лбу белое пятнышко, одно ухо висит, а второе торчит, и хвост колечком. А зовут Отелло.

— Бедный мальчик!..

Санька схватил пакет с мясом и выскочил из кухни.

Чтобы быстрее добраться до реки, он помчался дворами: пробежал по узенькой тропке между грядками, перемахнул через забор, потом по хозпоезду до оврага, повернул за угол... И столкнулся с Карабасом.

— Привет, сынок, — пробасил тот. — Вот мы, наконец, и встретились.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОГОРОДНОЕ ПУГАЛО

Санчо сидел на берегу и гладил Отелло по спине. Поначалу пёс глухо ворчал, но потом смирился — проникся доверием. И рана на его лапе уже не кровоточила. Да и не рана это была — так, царапина. Из камышей вынырнули Тонька и Макс.

— Вот, — задыхаясь от быстрого бега, сказал Макс, — ошейник. Из отцовского ремня. Кожаный. И верёвка. Будет вместо поводка. Антонина! А у тебя как дела?

— Как по маслу! — Тонька протянула Саньке нечто огромное, несуразное, похожее на хозяйственную сумку. — Тапочек. Левый. Валялся на крыльце. А Закидон рисовал очередного цыплёнка. Я поболтала с ним о рыбалке, а когда он отвернулся, стащила тапочек.

— Ты уверена, что это тапочек Буратино?

— Ты на размер посмотри! — возмутилась Тонька. — Кто ещё носит такую обувь!

— Закидон ничего не заметил?

— Никто ничего не заметил. И бандитов дома не было. Интересно, чем они занимались?..

— На меня охотились, — мрачно сказал Санчо.

И он рассказал о том, как бежал через огороды и натолкнулся на Карабаса, а сзади подошёл Зяма Дуремар, и деваться Саньке было некуда. А Карабас предложил выложить карты на стол, но Санька сказал, что никакой карты у него нет и вообще он не понимает, о чём идёт речь. Тогда Зяма вытащил из кармана удавку — тонкую проволоку с двумя деревянными ручками на концах — и начал её разматывать, а Санька подумал, что настал ему конец и начал хохотать в лицо врагам, но Карабас сказал, чтобы Санька перестал плакать, потому что слезами горю не поможешь. А потом он достал из кармана знамя с изображением Золотого Льва и сказал, что сожжёт его, если рыцари не вернут ему карту полигона. И что у рыцарей есть выбор: или получить боевой штандарт рыцарского ордена в обмен на карту, или распрощаться с жизнью. А Зяма Дуремар этак нехорошо ухмылялся и всё поигрывал своей удавкой.

— Они дали нам двадцать четыре часа на раздумье, — закончил рассказ Санчо. — Теперь уже двадцать три часа тридцать минут. Такие дела...

Некоторое время рыцари молчали. Новости были слишком удручающими, и комментировать их не хотелось. Эта удавка...

— Ты мясо принёс? — спросил Макс.

— Принёс.

— И где же оно?

— Там. — Санчо указал на брюхо Отелло. — Он разинул пасть, и вот такое кусище упало туда, как в колодец. Просто крокодил какой-то, а не собака.

— Тогда за дело! Нечего нам расслаживаться!

Он нацепил отцовский ремень на шею Отелло, привязал поводок и командирским голосом приказал псу подниматься, но Отелло оскалил зубы, и Макс отступил. Наверное, пёс помнил, как Великий Магистр стрелял в него из лука.

— Лучше ты. — Макс протянул поводок Санчо. — Ты его кормил, он тебе доверяет.

Макс был прав: Отелло доверял Саньке. И если пёс сумеет отыскать тело своего хозяина, то рыцари смогут представить дяде Гоше решающее доказательство. Тогда ультиматум бандитов потеряет силу и впереди у рыцарей будет не двадцать три часа тридцать минут, а целая жизнь — бесконечный, интересный, освещённый солнцем путь под знаменем Золотого Льва.

— Макс! Садись за вёсла, — приказал Санчо. С поводком в руке он снова почувствовал себя уверенным и отважным. — Отелло! К ноге! Рядом! Ну поднимайся, увалень! Нас ждут великие дела, а времени у нас мало, совсем мало.

Нет. Отелло не проникся величием дела. В лодке-то он сидел смирно: побаивался. Но когда выпрыгнул на берег и понюхал протянутый Тонькой тапочек, начал вести себя самым безобразным образом.

По представлению Саньки, пёс должен идти слева от него — идти, а не мчаться на третьей крейсерской скорости. А если Санька не успевает, то пёс должен умерить свою прыть, а не волочить его за собой, как прицеп. Так, во всяком случае, Санька читал в книжках о пограничниках. Но на практике всё получилось совсем иначе.

С первых же минут Отелло начал доказывать, что поводок в руках Саньки — полная бессмыслица и было бы неплохо, если бы Санька его убрал, а ещё лучше — сам убрался куда подальше и не мешал идти по следу хозяина. Пёс рычал и метался из стороны в сторону, подскакивал, переступал через поводок, путался в нём своими длинными лапами, и выпутывать его было для Саньки сущим мучением. Хуже всего, что на него насмешливо смотрела Антонина — именно на него, а не на этого чёрного монстра, ведь это Санька так развлекал её своими неуклюжими действиями.

Каждый куст, каждая кочка, все запахи без исключения заставляли Отелло тормозить всеми четырьмя лапами и тащить Саньку за собой. И Саньке оставалось только радоваться, что его левая рука до сих пор цела, а не вы-

рвана с корнем. Иногда возле какого-нибудь куста Отелло замирал на целую минуту, и Саньке приходилось дёргать его за поводок, но пёс не реагировал, и приходилось звать на помощь Макса и Тоньку... Одним словом, детективное расследование постепенно превращалось в игру «перетяни канат».

Пот лил с Саньки градом, рука онемела, зато Отелло прогулка явно нравилась. Похоже, он не чувствовал никакой усталости. Ещё бы! С чего ему чувствовать усталость, ведь на поводке дёргался и скакал не он, а рыжий мальчишка! Пёс чувствовала себя превосходно, даже хромать перестал. Он кружил по берегу, Санька болтался на поводке, Макс давал ценные советы, а Тонька хохотала.

— Прекрати сейчас же, гадина! — пробормотал Санька.

— Ты это мне? — спросила Антонина.

— Это я Отелло. Не встрейвай! Мешаешь найти общий язык! — пояснил Санчо. — Ты слышишь, морда противная? Ищи след! Антонина! Дай ему ещё раз понюхать тапочек, иначе я больше не выдержу!

Отелло замер на месте, и его влажный, пористый нос с шумом вдыхал знакомый запах, а потом пёс сорвался с места и понёсся, не разбирая дороги, вдоль берега, свернул на тропинку, ведущую к полигону, и комья земли летели из-под его лап. Огромный, сильный, он мчался с такой скоростью, что Санчо еле успевал перебирать ногами, сзади пыхтел

Макс, а Тонька споткнулась о корень и зарылась носом в песок — её стоны раздавались далеко позади.

Пёс притащил рыцарей на свалку, к самой ограде, за которой начиналось кукурузное поле. Там по-прежнему стояло зловещее пугало. Отелло растерянно покружил вокруг него, потом присел, задрал морду к небу и завыл, жалобно и протяжно.

— Ничего не понимаю, — задыхаясь, пробормотала Тонька. Она срезала угол и примчалась на свалку одновременно с мальчишками. — Опять чучело. Почему чучело? При чём здесь чучело?!

Макс попятился. Он мелко перебирал ногами и не отрывал глаз от огородного пугала.

— Всё понятно. — Губы его дрожали, будто он собирался расплакаться. — Всё сразу встало на свои места... А я-то, дурак, не верил в Чёрного Генерала! Думал, выдумки не ожидают. Ещё как оживают!..

— О чём это он? — удивилась Тонька.

— Отойди от плоти моей, от мяса моего и от костей моих... — забубнил Макс. — Я тебя не вызывал, и сокровищ твоих мне не нужно! Тонька! Санчо! Берегитесь! Это не пугало.

— А что же это?

— Это Чёрный Генерал! А в полнолуние он опять примет облик биолога и будет ходить, протягивать руки и звать к себе в могилу...

— Глупости! — сказала Тонька, но на вся-

кий случай отошла на несколько шагов. — Вон Отелло ни капельки не боится: улёгся под чучелом и лижет ему сапог.

— Вот именно... Значит, узнал хозяина.

— Глупости! — повторила Тонька. Было заметно, что она нервничает и потому сердится. — Сейчас я... — Она подняла с земли суковатую палку. — Сейчас я как тресну по вашему Чёрному Генералу, и вы сразу увидите, что это... что это...

Она размахнулась и изо всей силы ударила по чугунной голове чучела. Раздался металлический звон: горшок раскололся на части и мелкими осколками осыпался на землю.

— ...что это всего-навсего огородное пугало; — dokonчила с торжеством Тонька. — Ой, мама!

Она вздрогнула и пронзительно завизжала, потому что под чугунной головой пугала оказалась ещё одна голова: бледная, как будто вымазанная мукой, со спутанными волосами и длинным носом. Это была голова Бориса Устиновича Ратинова.

— Идите вы к чёрту! Даже слушать вас не хочу! — закричал дядя Гоша. — Надоели вы мне хуже горькой редьки! Шутники сопливые.

— Мы правду говорим! — ударил себя в грудь Макс. — Мы, значит, бежали, бежали, глядим — а он стоит!

— Мертвец? — уточнил дядя Гоша.

— Да.

— А почему стоит?

— Не знаю... Ворон пугает.

— Ну, парень! И здоров же ты брехать! — усмехнулся лейтенант. — Мертвецы на огородах не стоят, и вороны их не боятся, скорее наоборот, так и слетаются стаями. Идите-ка вы все с глаз моих долой! Надоели!

— Дядя Гоша! Клянусь рыцарской честью! Мы бежали, бежали... Потом видим: пугало. Чтоб мне провалиться! Но только это не пугало было, а Чёрный Генерал, в которого превратился Буратино после смерти, чтобы потом опять превратиться в Буратино и ходить, протягивать руки и звать в могилку... А потом мы поняли, что это не Чёрный Генерал, в которого превратился Буратино, а сам Буратино в лохмотьях Чёрного Генерала... То есть в лохмотьях пугала, которого мы приняли за Чёрного Генерала, но которое просто пугало. Вот. А Отелло, между прочим, так и остался там лежать.

— Отелло? А-а... Это родовитый венецианский мавр? Он ещё задушил эту... как её?

— При чём здесь Отелло?! — закричала Тонька. — Отелло никого не душил. Он укусил Дуремара за... Короче, пониже спины. А душил Зяма. Санчо видел, как Буратино отплясывал лебединую песню, а потом раз — и откинул копыта.

— Ничего не понимаю, — наморщил лоб дядя Гоша. — Хорошо. Пусть Отелло не душил,

хотя я помню, что душил именно он. Дуремара пониже спины никто, кроме разве пиявок, не кусал — внимательнее нужно сказки читать. И откуда у Буратино копыта? Он же не лошадь и не ослик!

— А я знаю, кто ослик, — подал голос обиженный Макс. — Только не буду указывать пальцем.

— А ты помолчи! — прикрикнул на него дядя Гоша. — Остряк!

— Буратино — это так мы называем биолога Ратинова, — сказала Тонька.

— Ах да, конечно, — вздохнул дядя Гоша. — Это другое дело. Теперь всё стало понятно как божий день. Значит, умер Борис Устинович, но вместо того, чтобы, как все приличные покойники, лежать неподвижно, он поехал к больному племяннику, отправил оттуда телеграмму о благополучном прибытии, потом вернулся, напялил на себя какие-то лохмотья и начал бегать по кукурузному полю и пугать ворон. Так?

— Да, — опять не выдержал Макс. — То есть нет. Он по кукурузному полю не бегал. Стоял на самом краю — и всё.

— Всё! — ударил кулаком по столу дядя Гоша. — Ничего больше не говори! Закрой рот, а то я тебе уши надеру! От твоей болтовни у меня голова кругом пошла!

Макс надулся и замолчал. Он окончательно обиделся. В бой ринулась Антонина.

— Вы это бросьте, дядя Гоша! — строго

сказала она. — Вот когда у вас появятся свои дети, им уши и дерите.

— Ещё чего! Я теперь уже никогда не женюсь. Планы у меня, конечно, были, но после знакомства с вами — ни-ни!.. Никаких детей, никогда!.. Лучше козу завести. С ней хлопот меньше.

— При чём здесь коза?!

— А при чём здесь Чёрный Генерал, Зяма, какой-то Дуремар?!.. Ещё Карабаса-Барабаса вспомните.

— Кстати, у Карабаса наше знамя, — позавыв жестокою обиду, выпалил Макс. — И мы хотим, чтобы вы отобрали его у бандитов. Золотой Лев не должен находится в злых руках!

— Всё. Приплыли. — Дядя Гоша обхватил голову руками, потом схватил со стола газету и отгородился ею, как стеной. — Все свободны. Так.. По вертикали... Особо одарённый, талантливый человек..

— Болван, — сказал Макс.

— В слове пять букв.

— Балда.

— Нет. Пять букв, начинается на «Г».

— А что, если мы говорим правду? — спросил Санчо. — Вот представьте на секунду, что на краю кукурузного поля действительно стоит м-м... находится тело убитого биолога, а вы даже не хотите это проверить!

— Чуть!

— А вдруг!

— Ладно. — Дядя Гоша положил газету на

стол. — Пошли, посмотрим на вашего покойника. Но если вы опять пошутили!..

— А если не пошутили?

— Тогда будем брать убийц!

— Ура! — закричал Макс. — Дядя Гоша, вы — гений!

— Гений... — Дядя Гоша на мгновение задумался, потом склонился над кроссвордом и аккуратно вписал в клеточки слово. — Подходит.

Минут через сорок, когда солнце уже начало клониться к горизонту, они добрались до границы кукурузного поля, но ни огородного пугала, ни одетого в его лохмотья тела биолога там не нашли. Только кружили в небе вороны да где-то далеко, у реки, протяжно выл Отелло.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СРАЖЕНИЕ С ПРИЗРАКОМ

— Ну уж теперь-то нам точно конец, — уверенно сказал Макс. — Теперь-то дядя Гоша с нами и разговаривать не станет. Приходите, убийцы-разбойнички, делайте с нами, что хотите!.. Н-да... Это ж надо так лопухнуться! Курам на смех! Не говоря уже о пиратах.

— А что пираты?

— Сегодня ристалище. Забыл, что ли? А у нас даже знамени нет!.. Засмеют. — Макс сокрушённо покачал головой. — Не поднимешь же вместо знамени карту полигона! Эх, влипли!..

— Выше нос, магистр! — строго сказала Тонька. — Или мы не рыцари?!

— Без Золотого Льва мы не рыцари!

— Глупости! Золотой Лев всегда с нами, даже если его с нами нет.

— Мудрено как-то, — не понял Макс.

— Пока в сердце рыцаря осталась хоть капля отваги, Золотой Лев с ним, — пояснила Тонька. — Ты — Золотой Лев, и он — Золотой Лев, и я — Золотой Лев... — Она немного подумала и поправилась: — Вернее, Золотая Львица. И так будет всегда!

— Вот только нас скоро не будет, — махнул рукой Максим. Он дёрнул себя за ухо. — А может, отдать бандитам карту? Сказать: мы вам — карту, вы нам — Льва, и разойдёмся как в море корабли?

— Так они и согласятся разойтись, — скептически заметил Санчо. — Мы для них кто? Мы для них — опасные свидетели. А значит, они возьмут нас на abordаж, а потом — камень на шею и за борт.

— Ой, — побледнела Тонька. — Я так просто не дамся!.. Они у меня... Я им устрою ристалище!.. Лицом к лицу, раз на раз..

— Брось ты! — печально усмехнулся Санчо. — Они не рыцари. У них нет этикета и нет правил. Зяма биолога задавил, как мышонка. Тот охнуть не успел. А ведь Бура-тино был посильнее нас троих, вместе взятых!..

— Может, всё-таки отдать им карту? — робко повторил Макс.

— Ни в жизнь! — Тонька разозлилась на Макса, на бандитов, на свой собственный страх. А когда Тонька злится, она способна на всё. — Война так война! Пусть враг трепещет!

— Удавят нас, — тоскливо сказал Макс. — Отец обещал мне настоящий африканский тамтам привези. Так хотелось побарабанить... Мы бы такого ужаса на прибрежных пиратов навели!

— Не удавят. — Санчо достал из-за пазухи

карту, развернул её на столе. — Пока не получат эту карту — не удавят. Пальцем не тронут. И срок ультиматума ещё не истёк. У нас есть целых... — он посмотрел на часы, — целых четыре с половиной часа.

— Не густо...

— Хватит, если потратить это время с умом!

— У тебя есть план, — догадалась Тонька. — Выкладывай!

— Зачем бандитам карта? — менторским тоном спросил Санчо.

— Ну... — задумалась Тонька. — Они хотят что-то спрятать и пометить на карте крестиком.

— Будем считать это первой версией. — Санчо посмотрел на Макса. — Твоя очередь.

— Отыскать сокровища Чёрного Генерала! — брякнул тот.

— Версия Макса кажется мне убедительнее, — кивнул Санчо. — Для того, чтобы спрятать сокровища, не нужна карта полигона. А вот чтобы найти сокровища в катакомбах, тут без карты — никак. Пока доступно?

— Ты нос не задирай, — осадила его Тонька. — Дело говори.

— Я и говорю! — обиделся Санчо. Ему хотелось выглядеть мудрым и проницательным, но рядом с Тонькой это никак не удавалось. — Бандиты что-то хотят отыскать. Но у них нет

карты, а у нас есть. Почему бы нам их не опередить?

— Действительно, — оживился Макс. — С сундуком золота мы можем удрать куда угодно — хотя бы в ту же Африку. Там джунгли, пустыни... Ищи ветра в поле. И на тамтаме можно барабанить сколько захочешь!

— Я не хочу в Африку, — заявила Тонька. — Хочу в Австралию! Там коала. Такие смешные... И кенгуру. И дикие собаки динго. Только они злые, не то что Отелло.

Она топнула ногой, и всем стало понятно, что Африка отпадает, а поедут рыцари в Австралию: будут смотреть на коалу и охотиться на злых и диких собак динго.

— Когда бандиты поймут, что сокровищ им не видать как собственных ушей, они вернут нам Золотого Льва и уберутся восвояси, — подвёл итог Санчо.

— Клёво! — восхищённо сказал Макс. Он уже видел себя раскрашенным, в набедренной повязке, крадущимся по бушу. — А ты уверен, что бандиты ищут именно сокровища?

— А что, по-твоему, они ищут? — ехидно спросила Тонька. — Ежу понятно, что сокровища.

— Ну конечно! — хлопнул себя по лбу Макс. Теперь и он понял, что на заброшенном полигоне ничего, кроме сокровищ, быть не может. — Лопату брать?

— Лучше фонарик, — посоветовал Санчо. — И мешок. Сундук будет тяжёлый, придётся перетаскивать золото частями.

— И лук со стрелами, — предусмотрительно напомнила Тонька. — Только стрелы нужно брать осиновые, без железных наконечников. Если есть сокровища, может, существует и... Ну, вы понимаете, о ком я?..

И тут солнце скрылось за тучкой и на землю упала тень — холодная и тревожная, как призрак Чёрного Генерала.

Коридор уходил всё глубже и глубже в недра земли, чтобы раствориться там в бесчисленных боковых ответвлениях и тупиках, в неведомых никому подземных переходах и помещениях.

Санчо шагал впереди. Со всех сторон его окружала чёрная, безбрежная темнота, разрываемая лишь тонким лучом фонарика.

Бетонные стены были тёмными от времени и сырости. Во многих местах их пересекали трещины. Сверкающие капли воды срывались с потолка и падали на пол. Кап, кап, кап... Плиты были покрыты ржавчиной, бурой плесенью и липкой паутиной.

— Пятый уровень. — Санчо сверился с картой и огляделся. — Сокровища должны быть где-то здесь.

— Ты ничего не перепутал, Сусанин? — шёпотом спросил Макс.

— Это здесь, — уверенно сказал Санчо. — Посмотри: все карты, как новенькие, и только план пятого уровня весь заляпан грязными пальцами, а рядом с номером «Д-516» нарисован крестик.

— Ну и что?

— А то, что Буратино пользовался только планом пятого уровня. Вот и его пометки — какие-то цифры: семь, девять, один... Понял?

— Нет.

— Я тоже пока не очень, — почесал затылок Санчо. — Но отыщем номер «Д-516», а там разберёмся... Смотрите внимательнее на стены.

— Мы можем неделю блуждать, отыскивая этот номер.

— Можем, — согласился Санчо. — А у тебя есть другие предложения?

Других предложений у Макса не было, и рыцари двинулись дальше.

Направление коридора часто менялось. То слева, то справа зияли прямоугольные отверстия боковых проходов, но Санчо держался основного коридора: именно здесь пыль на полу была стёрта и повсюду виднелись отпечатки собачьих лап и сапог сорок пятого размера.

Шествие замыкала Антонина. Она немного нервничала: задевала луком стены, судо-

рожно оборачивалась на любой шорох. Ей казалось, что сам мрак крадётся за ними по пятам, тянет когтистые лапы, обнажает клыки в ухмылке. И тогда холод пробежал по спине. Она зябко ёжилась и с надеждой смотрела на Санчо: всё-таки он столько времени был хранителем Золотого Льва. А Санчо думал о подземелье. Он не мог понять, почему Чёрный Генерал зарыл свои сокровища не на свалке, не в лесу, не на берегу реки, а именно в подземелье?

«Может, его раздражают свист ветра, птичьи крики — громкие звуки вообще? — рассуждал Санчо. — Или есть другая причина? Какая? Чем подземелье отличается от других мест? Тишиной, — ответил он сама себе. — И постоянным мраком. Так, может быть, он не выносит света?»

А тишина была зловещая — сырая, ватная. И темнота. Коридор стал шире. Тьма обступила рыцарей плотно, зримо. Теперь луч фонарика уже не отражался от стен. Свет скорее мешал, чем помогал. И если там, за стеной мрака, кто-то притаился, то рыцари были как на ладони, а вот наблюдатель оставался невидимым.

Пахло резиной, металлом и пластиком. По стене вились провода в толстой оболочке. Где-то искрило. А вон и рубильник аварийного освещения...

— Стойте! — крикнула Антонина. Она замерла с натянутым луком в руке. — Нас кто-то преследует. Я видела.

— Может, показалось? — с надеждой спросил Макс.

Внезапно позади мелькнул силуэт, чёрный на фоне зеленоватого сумрака. Максим вытащил из колчана стрелу и тоже начал напряженно высматривать цель. Послышались тяжёлые шаги, шелестящий шорох... И мрак сгустился в сгорбленную фигуру огородного пугала. Та же шинель, те же сапоги, только на голове вместо чугунного горшка какие-то лохмотья.

— Чёрный Генерал! — закричал Макс и выпустил стрелу.

Мимо.

Огромный призрак медленно приблизился и остановился метрах в семи от друзей. Он прикрывал лицо руками: видно, луч фонарика раздражал его глаза. «Значит, так и есть, — отметил Санчо, удобнее перехватывая суковатую палку. — Свет. Вот чего он боится.»

— Карта! — прошипел призрак — Отдайте мне карту или умрёте!

— Сам ты умрёшь! — в отчаянной решимости выкрикнула Антонина. — Пожалуй, скорее, чем предполагаешь.

Она слышала, как Максим пробует вытащить из колчана новую стрелу, но что-то у него не получалось: или руки дрожали, или стрела зацепилась за перевязь. А Санчо был безоружен — не считать же оружием ту палку, что он подобрал на полу... И стало быть, Тонька не

имеет права промахнуться. А куда стрелять? Где у призрака самое уязвимое место? Голова? Или грудь? Или пятка?

— Сердце! — крикнул Санчо. — Стреляй в сердце. Если он вампир, ему крышка!

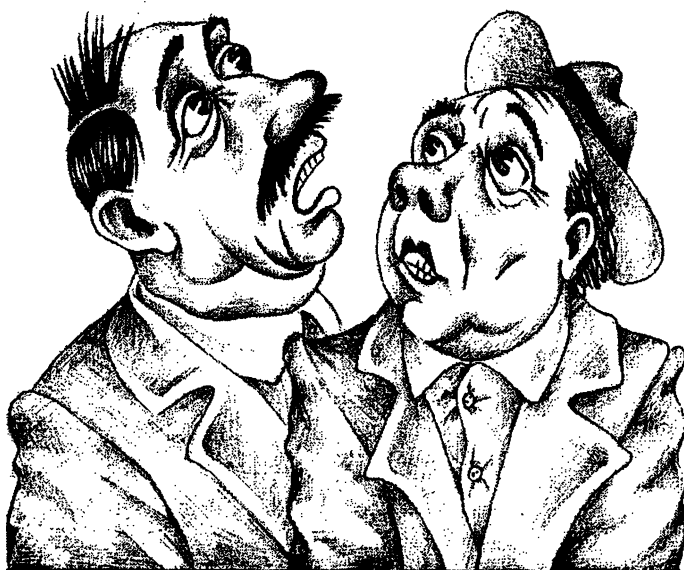
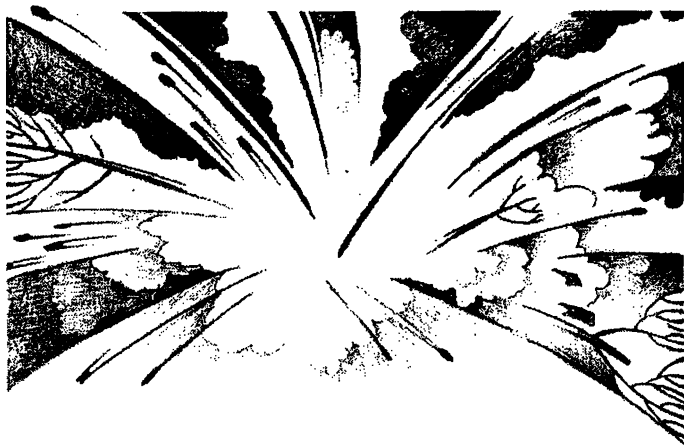
— Карта! — глухо проревел призрак. — Отдайте мне карту!

— Дырку тебе от бублика, а не карту! — храбро крикнула Антонина и отпустила тетику.

Стрелу повело влево. Она пролетела сквозь приведение и ударилась о стенку где-то далеко позади него. Чёрный Генерал шагнул вперёд. Наверное, решил, что время переговоров закончилось и пора приступать к трапезе. Но тут Макс наконец вытащил стрелу, натянул лук и выстрелил. Стрела ударила призрака в плечо и отскочила. Чёрный Генерал охнул, но продолжал двигаться на рыцарей. Чудовище казалось неуязвимым.

— Стреляй, Антонина! — закричал Санчо. — Отступи к стене и стреляй!

Тонька рванула из-за плеча стрелу. Ещё несколько шагов, и Чёрный Генерал окажется рядом — подойдёт на расстояние шага и прыгнет вперёд, неотвратимый и жуткий, из его горла вырвется яростное шипение, а в глазах загорятся отблески адских костров. Он вопьётся в её шею и будет сосать кровь и, конечно же, испачкает новую блузку, а кровь не отстирывается, и ба-

бушка тогда задаст Тоньке по первое число...

Она успела выстрелить. Стрела ударила Чёрного Генерала в плечо. Призрак взревел, прыгнул вперёд и отшвырнул леди-воительницу в сторону. Тонька рухнула на каменный пол и закричала от боли, а призрак уже подбирался к Максиму, который лихорадочно рвал из колчана стрелу, но не успевал, не успевал!..

Санчо закричал, отвлекая внимание подземного призрака на себя, и бросил фонарик в обмотанную лохмотьями голову чудовища. Затем он дёрнул вниз ручку рубильника. Свет вспыхнул всего лишь на доли секунды, потом где-то наверху с треском разлетелись предохранители, и свет опять погас.

Но секундной вспышки оказалось достаточно, чтобы призрак попятился, прикрывая лицо руками. И в тот момент, когда свет уже гас и изо всех углов снова выползала темнота, Санчо со всего размаху отпустил на голову призрака свою суковатую дубину.

В темноте послышалось тяжёлое, булькающее дыхание призрака, сдавленный стон, какой-то скрежет. А потом глухой звук падения. Видно, чудовище рухнуло на пол, судорожно заворочалось, забилося, заскребло сапогами по полу.

— Бежим! — заорал Санчо. — Бежим, пока оно не очухалось!

Для верности он ещё раз треснул палкой

призрака по спине, подхватил фонарик и следом за товарищами помчался прочь.

Они мчались в зеленоватой темноте, сворачивали в боковые переходы, перепрыгивали через кучи слежавшегося мусора. И каждый проклинал себя за то, что согласился спуститься в это подземелье за сокровищами, будь они неладны. И каждый с тоской вспоминал о чистом небе, о зелёной траве, о солнечном свете — о простом, понятном и уютном мире, в котором ещё совсем недавно не было места призракам, упырям и вурдалакам. И каждый мечтал в этот момент очутиться где угодно, хоть в Австралии, лишь бы не в этом ужасном месте, где призраки падают на голову, как яблоки в ветреный день. А потом Тонька остановилась и закричала:

— Стойте!

Санчо с ужасом подумал, что Чёрный Генерал их всё-таки догнал — обошёл на каком-то повороте и теперь приближается спереди, ухмыляется и протягивает лапы. Но, к его великому облегчению, никакого призрака перед ними не было. Тонька стояла и указывала рукой на стену, на которой был написан номер «Д-516».

— Тот самый, — выдохнул Санчо. — Надо же... Нашли! А ты, Макс, говорил, неделю искать будем!

— Слушай... — Макс дёрнул себя за ухо. — А ведь мы уже здесь были! На нас ещё крыла-

тые вампиры напали... А вон там гауптвахта... Ну, комната с костями.

— С какими костями? — насторожилась Тонька.

— Неважно. — Санчо заглянул в карту. — Крестик. И несколько цифр... — Он посмотрел на цифровой код. — Что бы это значило?

Максим подошёл к самой стене, потрогал рукой кодовый замок, посмотрел на Санчо.

— Какие цифры? Диктуй.

— Семь, девять, один...

Когда Макс нажал последнюю цифру, раздался негромкий скрежет, плита дрогнула и, словно дверь, чуть приоткрылась.

— Сундук с сокровищами, — прошептала Тонька. — Золотые серёжки на день рождения... Вот бабушка обрадуется!.. А потом в Австралию!

Она выхватила из рук Санчо фонарик и шагнула вперёд.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЕЩЕРА АЛИ-БАБЫ

Поистине это была настоящая пещера Али-Бабы. Нет, здесь хранились не сокровища, а более ценные вещи — здесь хранилось оружие!

Наверное, военные просто забыли о нём. Или оставили здесь на хранение, в надежде когда-нибудь за ним вернуться. Но не вернулись, и теперь у этого арсенала не стало хозяина. А арсенал был огромен. Стеллажи заставлены ящиками и контейнерами до самого потолка! У мальчишек дух захватило от такого зрелища, а вот Антонина была недовольна.

— Гранаты, пистолеты... — ворчала она. — Бабушке такое не подаришь! Не поймёт.

— Почему? — удивился Макс. — Подари ей огнемёт. Смотри, сколько их...

— Что она с огнёмётом делать будет? Кур осмаливать? Или мусор сжигать?

— Дарёному огнёмёту в брандспойт не смотрят, — рассудительно сказал Макс. — Ты подари, а уж она найдёт ему применение.

— Не найдёт!

— Тогда миномёт ей подари. — Максим открыл очередной контейнер. — Отличная

вещь, — с сомнением произнёс он. — Наверное, нужная в хозяйстве.

— Миномёт?

— Угу, — кивнул Макс. — Помнишь, на прошлой неделе ей понадобилась компостная яма? Она ещё Петровича упрашивала выкопать, бутылку сулила... Тот два дня землю кидал. А с миномётом любую яму выкопать — секундное дело. Один залп — и готово! Дальность стрельбы — километров восемь. А?

— Нет, — покачала головой Тонька. — Миномёт я ей дарить не буду. Зачем бабушке компостная яма в восьми километрах от дома? Она и так еле ходит.

— Тогда... Посвети-ка фонариком... — Макс вытащил из металлического контейнера инструкцию, быстро пробежал её глазами. — «Светозвуковые термобарические заряды...» Хм...

— Чего?

— Э-э... «...предназначены для временного подавления устойчивости противника путем внезапного создания мощной вспышки или резкого шумового воздействия...» Ого!

— Я ничего не поняла.

— Всё очень просто. — Макс осторожно положил заряд на место. — Представляешь, крадётся ночью злоумышленник, чтобы скрыть с верёвки бельё, а твоя бабушка ему заряд под ноги — раз! И берёт его слепого и глухого голыми руками. А? Классная штука!

Голос Макса звучал не слишком уверенно,

и шутки были натянутыми. Антонина начала подозревать, что не такой уж Макс оружейный мастер, каким хотел бы казаться, и что восторги его деланные, а на самом деле этот снаряд испугал его. Недаром Великий Магистр отошёл от ящика на несколько шагов.

— Ночью бабушка спит, — хмуро буркнула Антонина. — И бельё на верёвке не оставляет.

— Тебе не угодишь, — махнул рукой Макс. — Ух ты!.. Смотри, автоматы! С оптическими прицелами!.. Я такие только в американских боевиках видел! Ну класс! А это что?..

Он вертел в руках продолговатый цилиндр, нажал на кнопку у основания. Раздался щелчок, и мимо Антонины со свистом пронеслось сверкающее лезвие. Оно ударилось о бетонную стену и отлетело в сторону. На стене осталась заметная вмятина.

— Ты что?! — побледнела Антонина. — Очумел?

— Стреляющий нож... — промямлил Макс. — Я не думал... Я не хотел... Извини. Кнопка так легко нажимается... — Он торопливо положил нож на место и открыл следующий ящик. — А это что?..

— Ничего не трогай! — приказала Тонька. — Опять не на ту кнопку нажмёшь и...

— Нет здесь никаких кнопок. Это какие-то патроны! Совсем маленькие!.. Размером не больше металлической монеты... А может, и не патроны это, а термошашки. Я о таких в газете

читал... Эти штуки за несколько секунд способны прожечь в стальной двери дыру с кулак. — Он положил термопатрон на место. — Антонина! Твоей бабушке ничего не нужно прожечь?

Минометы, гранаты, стрелковое оружие... Рыцари открывали ящик за ящиком, разворачивали промасленную бумагу и восхищённо рассматривали оружие. Таких игрушек у них ещё никогда не было.

— С таким арсеналом можно вести настоящую войну! — Макс вытащил из ящика автомат, неумело передёрнул затвор, навёл на невидимого противника. — Тра-та-та...

— С кем это ты собрался воевать? — поинтересовалась Тонька.

— Ну, не знаю... С пиратами. Лёшка Кишкорез умрёт от зависти!

— Нечестно как-то, — заметила Тонька. — У них ведь только плюхи. И вообще, где ты видел рыцаря с автоматом? Вот копьё — это да. Или добрый меч. И чтобы лицом к лицу, честно, с открытым забралом! Мы же рыцари Золотого Льва! Положи автомат на место! Не нравится мне всё это. Санчо! Что молчишь?!

Санька рассматривал содержимое металлического контейнера и ничего определённого не сказал — что-то промямлил и опять уткнулся в контейнер.

— А давай тогда бандитов к ногтю прижмём, — предложил Макс. Он вскинул автомат, грозно насупил. — Э, кореш! А ну, топ-

чи сюда! И руки повыше, а то получишь в брюхо всю обойму! Где наше знамя?! Подать его на блюдечке! И шагом марш за решётку! Фу... — Максим опустил автомат. — Тяжёлый!

— Не нравится мне всё это, — повторила Тонька. — Санчо! Что ты там делаешь?

— Да вот... Не пойму, что это такое. — Санька подошёл к друзьям и протянул им небольшую прямоугольную коробочку. На верхней панели находился электронный циферблат, а под ним несколько кнопок. — Часы не часы, рация не рация...

— Наверное, акустическая граната, — авторитетно заявил Макс. — Нечто похожее я видел у папы на стройке. Называется «Эхо». При помощи таких штук папа проверял эту... как её... сейсмоустойчивость зданий. Не разрешал мне их трогать. — Макс взял заряд, повертел его в руках. — Даже близко не подпускал.

— Наверное, он это делал не зря. — Тонька попятилась к двери. — Ты на кнопки только не нажимай. Рванёт — мало не покажется!

— Она не рванёт, — с чувством превосходства усмехнулся Макс. — Это не граната. Зато рванут все остальные боеприпасы. Сдетонируют. Папа так говорил... Вот этими кнопками устанавливается время. А потом нужно улепёчивать со всех ног, потому что эта штука начинает испускать звуки, только их не слышно.

— Что это за звуки, которых не слышно? — недоверчиво спросил Санчо.

— Не знаю... Колебания какие-то. Как при землетрясениях. Только у папы заряды побольше размером были. Опоры мостов гнулись, как бумажные! Я сам видел. Один раз. Мне потом так плохо было. Наизнанку вывернуло... Папа сказал, что у меня очень восприимчивый организм, и больше никогда не брал меня на испытания.

— А как тебя вывернуло наизнанку? — заинтересовалась Тонька.

— Очень просто. Заряд взорвался — лёгкий хлопок, и меня начало тошнить. А голова как кружилась!.. Папа сказал, что мне ещё повезло. Один из его рабочих стоял ближе, и у него желудок так расслабился, что э-э... Ну, понимаете?

— Нет.

— В штаны он наделал! — пояснил Макс. — Как маленький. И болтало его из стороны в сторону, будто ходить разучился. Правда, недолго. Минуты через три он оклемался и побежал в прачечную.

— Фу, — брезгливо сморщилась Тонька.

— А что! Милое дело! Давайте одну такую подкинем бандитам, а?

— Ага! А через три минуты они оклемаются и возьмут тебя за грудки: где, мол, ты эту штуку взял? И начнут тебя пытать — с одной стороны они, а с другой — дядя Гоша. — Санчо покачал головой. — Нет. Гранату мы брать не будем.

— А что будем?

— Ничего не будем, — отрезал Санчо.

— Давайте хоть гранатомёт возьмём! — взмолился Макс. — Пульнём один раз и положим на место. Интересно же!.. Смотри! — Макс вытащил из ящика нечто огромное, длинное и, судя по всему, очень тяжёлое. — Красота! Ну один разок, а?

Санчо замялся. Его самого разбирало любопытство. В конце концов, не каждому одиннадцатилетнему мальчишке выпадает шанс пострелять из гранатомёта. Но... Он посмотрел на заставленные ящиками стеллажи и подумал, что никакая это не пещера Али-Бабы, а скорее всего очередная ловушка — змеиное гнездо, набитое отборной, тщательно подобранной дрянью. А из ящичков слышится шелест: «Возьми меня... Согрей меня... Ты станешь другим — сильнее, смелее...». И шелест этот просто завораживал.

— Такое может случиться только раз в жизни! — настаивал Макс.

— Ну давай, — нехотя согласился Санчо.

— Вот и хорошо! — оживился Макс. — Санчо, берись за ствол, вдвоём потащим. А ты, Антонина, гранату возьми. Только неси очень аккуратно. Да не бойся!.. Теперь нам бояться нечего. Теперь нас все бояться будут: и пираты, и бандиты, и призрак Чёрного Генерала! Ну пошли!

— Нет. С этим холмом всё равно нужно что-то делать!

— Нужно. Потому как мешает.

— Вноси предложения.

— Вы начальство, вам виднее.

Зяма-Дуремар поморщился. Он сидел в тени ржавого грузовика и ждал, когда из люка появятся трое рыцарей. Карта наверняка у них, Зяма был в этом уверен. И отобрать её будет несложно. А потом — несчастный случай: трое подростков бесследно исчезли в районе полигона. Куда смотрит милиция! Но если рыцари вылезут из люка сейчас, это будет совсем некстати: председатель колхоза и его помощник в шляпе могут вмешаться и нарушить весь план.

— Ну так сделай что-нибудь! — сказал председатель, обращаясь к своему помощнику.

— Конечно, — кивнул помощник. — Только что я могу?!

— Поговори с механиками. Пусть Семёныч пришлёт бульдозер и срежет холм к чёртовой матери. За недельку справится. Зато представляешь, насколько увеличится посевная площадь?!

— Представляю, — кивнул помощник. — Только бульдозером здесь не отделаешься. Эвон какая гора! Тут к шефам обращаться нужно. Потому как у них техника.

— Так обратись! Пусть пришлют экскаватор, самосвалы...

— Это конечно... Обратиться-то можно.

— Вот и ладно. Вот и договорились.

— Только ничего они не пришлют. У них с бензином напряжёнка.

— Тьфу, чёрт!..

Зяма нервничал. Подростки могли появиться в любой момент, а тут эти колхозники... Дался им холм! Неужели до вечера ласы точить будут?! Зяма осторожно выглянул из-за колеса. Председатель и его помощник стояли на краю кукурузного поля и задумчиво чесали в затылках. Уходить они не собирались.

— А если вручную? — предложил помощник. — Соберём людей, лопаты в руки — и вперед!

— Вручную? А ведь это мысль! Молодец, Трофим Егорыч! Соображаешь! Сколько времени займёт вся работа?

— Не знаю... Да и не важно это, потому как людей у нас всё равно нет. Это я так.. Предложил просто.

— Тьфу на тебя! Чего попусту болтать-то?!

— Вы начальство, вам виднее... Сами же сказали вносить предложения, я и вношу.

— Ты дельные предложения вноси!

— Вы начальство, вам виднее...

— Думай. С этим холмом всё равно нужно что-то делать!

Зяма вздохнул и опять привалился к колесу. Похоже, разговор вращался по кругу. Так они до ночи болтать могут... И ведь ничего с этим не поделаешь! А если он упустит пострелят, Константин Михайлович будет очень

недоволен, а когда Константин Михайлович недоволен, лучше ему под руку не попадаться...

Из открытого люка донёлся смутный шум: кто-то поднимался по железным скобам наверх. Зяма достал из кармана удавку, расправил проволоку и покосился на колхозников. Если сделать всё быстро, эти мужики ничего не услышат. Главное, чтобы детишки и пискнуть не успели...

Зяма подобрался поближе к люку, приготовился и, когда из отверстия показалась чья-то голова, захлестнул петлю.

— Зя-уа... Чёрт! Уа-а-а...

— Ой! — Зяма спрятал в карман удавку и протянул руку, помогая шефу выбраться из люка. — Извини, Константин Михайлович! Накладочка вышла...

— Хорошо, что у тебя есть карта, — сказал Макс. — Не пришлось подниматься с этой штукой через люк. Тяжёлая, чёрт... Правда, непонятно, где мы сейчас оказались...

— На другой стороне кукурузного поля, — сверился с картой Санчо. — Опускай эту гаубицу на землю! У меня плечо просто онемело.

— А во что вы стрелять будете?

— Не знаю... — Максим огляделся по сторонам. — Может, вон в тот валун? Главное, прицелиться поточнее, и камень раз-

летится на осколки. Чур, стреляю я! Я самый старший.

— Нет. Пусть лучше стреляет Антонина, — сказал Санчо. — Она самая меткая.

— Но я...

— Рыцари всегда пропускают дам вперёд.

— Тонька схватилась за гранатомёт. Не то, чтобы ей очень хотелось выстрелить из гранатомёта. Просто она перестала доверять Макс. — Санчо, заряжай снаряд. На что здесь нажимать надо?

— Вот спусковой курок, — хмуро указал Макс. — Целься в оптический прицел: валун должен быть точно в перекрестье. Понятно?

— Учи гусей купаться, — процедила сквозь зубы Тонька. — Санчо, зарядил?

— Всё готово.

— Ну тогда приступим... — Тонька поймала валун в перекрестье прицела и начала медленно давить на спусковой курок.

— Огонь! — звонко крикнул Макс.

Гранатомёт дёрнулся, больно ударив Тоньку в плечо, а потом раздался грохот.

Сначала что-то пронзительно завывало, и председатель с помощником завертели головами, стараясь определить источник такого странного звука. Вдруг председатель замахал руками и что-то закричал помощнику, но его крик заглушил всё тот же оглушительный вой.

Снаряд пронёсся над их головами так низко, что мужикам пришлось рухнуть на землю, чуть ли не зарыться в неё. А когда вой удалился и грянул взрыв, они подняли головы и ахнули.

Над вершиной холма ярился огненный шар, и горбатые огненные волны стекали по склонам вниз, а через мгновение земля содрогнулась и рваными клочьями взметнулась к небесам. Некоторое время она висела в воздухе, а потом раскалёнными добела искрами посыпалась вниз.

Воздух задрожал от нестерпимого жара. Все смешалось в один спекшийся огненный ком: земля, пылающий дёрн, каменные осколки. От его блеска померкло солнце и вокруг стало так светло, как не бывает даже в полдень. Огонь отчаянно метался из стороны в сторону, клочкотал, бросал в небо жирный чёрный дым. А когда дым рассеялся, никакого холма не было — на его месте зияла огромная воронка.

Председатель и его помощник оторопело смотрели на бушующее по краям воронки пламя. Лица их были бледными, а на лбу председателя выступили капли пота, казавшиеся в отсветах пламени розовыми.

— Яма! — удивлённо сказал он, не отводя глаз от разъярённого пламени. В зрачках его прыгал огонь, отчего они казались стеклянными, словно у куклы. — Может быть, война началась?

— Не похоже. — Помощник оглянулся. —
Вроде тихо. Наверное, метеорит. Божий про-
мысел.

— Ты это брось! Ты лучше скажи, что те-
перь с этой ямой делать!

— Не знаю, — пожал плечами помощник.
Он задумчиво посмотрел на небо, снял шля-
пу и перекрестился. Потом снова уставился
на яму.

— Вноси предложения.

— Вы начальство, вам виднее...

Зяма Дуремар стряхнул с себя спёкшуюся
пыль и посмотрел на своего шефа.

— Противотанковый гранатомёт, — ска-
зал Карабас. — Всё-таки эти сопляки добра-
лись до склада! Чтоб их черти взяли!.. Ты заме-
тил, откуда стреляли?

— Да. Из-за той рощицы.

— Верно. — Константин Михайлович нео-
жиданно легко для своей комплекции вско-
чил на ноги и, прихрамывая, побежал в сторо-
ну рощи. — Быстрее! Перехватим их, пока они
не удрали!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В ЛОВУШКЕ

— Быстрее, Антонина!

Они мчались по подземным коридорам, как будто снова убегали от Чёрного Генерала. Но теперь опасность была зримой, понятной и более грозной. Два бандита, против которых бессильны осиновыя стрелы, преследовали их по пятам. Топот за спиной становился всё громче.

— Они нас догонят! — крикнула на бегу Тонька. — Я больше не могу... У меня в боку колет!

— Держись! — Санчо посмотрел на Максима. — Нужно заманить их на гауптвахту... Ну, в ту комнату с костями! Там дверь — танком не вышибешь. И запирается изнутри. Ничего они с нами сделать не смогут!

— Верно! — согласился Макс. — Это ещё два уровня вниз. Держись, Антонина! Немного осталось!

— Это уж точно...

Вниз, перепрыгивая через лестничные ступеньки... По коридору, прямо, никуда не сворачивая... За спиной — грязная ругань и угрозы, впереди — темнота и неизвестность. Толь-

ко бы не сбиться с пути, только бы не ошибиться дверью!..

Они заскочили в тёмную комнату и все втроём навалились на металлическую дверь. Она тяжело, со скрипом, захлопнулась. Санчо щёлкнул задвижкой и привалился к стене, стараясь отдышаться.

— Вот и всё, — сказал он, чтобы успокоить Тоньку. — Вот и кончена катавасия...

Тонька ничего не ответила. Она молча смотрела в угол, где в луче фонарика белели чьи-то обглоданные кости.

— Это собака, — сказал Макс. — Или коза. Заблудилась и... Не человек. — Он нервно дёрнул себя за ухо и с сомнением добавил: — Наверное.

В дверь забарабанили. Затем последовали глухие удары: бандиты пытались выломать дверь, но та даже не дрогнула. Послышалась глухая возня, потом раздался сладкий голос Карабаса:

— Ребятки! Вы здесь?

Рыцари затаили дыхание. Только сейчас они поняли, что сами себя загнали в ловушку. Четыре стены, на одной из них решётка вентиляционного люка. Короче, выход из гауптвахты был только один — через дверь, за которой находились бандиты. Вот если бы Карабас решил, что это не комната, а боковой коридор...

— Я знаю, что вы здесь! Это оружейная комната, и выход из неё только один. Верно?..

Ведь у нас тоже карта есть. Правда, начерченная от руки, с вашей картой её не сравнить... Попались, ребятки! Так что выходите. Мы ничего вам не сделаем.

Молчать больше не было смысла. Бандиты знали, что рыцари застряли в капкане и получить карту — это для них вопрос времени. Но пока дверь заперта, в комнату никто не войдёт, а сломать дверь бандитам будет очень непросто.

— Не выйдем! — крикнул Санчо. — Знаем мы ваши штучки... Всё вы врёте!

— Как тебе не стыдно! — возмутился Карабас. — Мы никогда не врём! В смысле, не лжём!

— Вы убили Бориса Устиновича!

— Да. Признаюсь, наших рук дело. Но ведь мы честно предупредили этого верзилу, что убьём, если он не отдаст нам карту. Он не отдал, мы и того... Не хотелось, ох как нам не хотелось этого делать, но слово-то держать нужно. Так что выходите и ничего не бойтесь. Уверен, мы сумеем с вами договориться.

— Нет уж, — твёрдо ответил Санчо. — Мы лучше здесь посидим.

— Вы умрёте от голода и жажды, — сокрушённо сказал Карабас. — Это так мучительно! Ваши родители очень расстроятся... Хотите к родителям? Выходите.

Карабас бил в самое больное место. Даже Тонька всхлипнула, подумав о бабушке: для кого она будет теперь закатывать малиновое варенье?!..

— Ни за что не выйдем! — заявил Санчо. — И карту вам не отдадим. Лучше умрём... — Он покосился на Тоньку. — Умрём, хохоча вам в лицо.

За дверью послышалось тихое перешёптывание, потом Карабас сказал, что никогда не встречал таких мужественных рыцарей.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул он. — Мы проиграли и честно это признаём. Ваше знамя мы оставляем на полу рядом с дверью, а сами уходим. Прощайте! Очень надеюсь, что мы с вами никогда больше не встретимся.

За дверью послышался звук удаляющихся шагов. Потом наступила тишина.

— Ушли, — удивлённо сказал Макс. — Ну дела!.. Открывая задвижку!

— Подожди! — крикнул Санчо. — Давай лучше попробуем пролезть в вентиляционный люк!

Но было уже поздно — Максим щёлкнул задвижкой, распахнул дверь, и в комнату тут же ввалились бандиты.

— А вот и мы, — расхохотался Карабас. — Я ошибся! Мы с вами всё-таки встретились! — Он перестал смеяться, и сразу его лицо сделалось злым и неприятным. — Где карта, щенки?

Рыцари молчали.

— Зяма! — Глаза Карабаса стали ещё злее. — Удавку!

Дядя Гоша вылез из лодки и привязал её к стволу ивы. Потом поправил фуражку и зашагал к лодочной станции. Там уже стояли жёлто-синий «Москвич» следователей и белый фургон медэкспертизы. У причала и вдоль шоссе толпились любопытные дачники, в основном женщины и дети. Дядя Гоша спустился к самому берегу, где фотограф делал снимки, а следователь Воронин, скрестив руки на груди, пристально рассматривал распростёртое на песке тело.

— Привет, Григорий Иванович, — поздоровался следователь. — Что у тебя здесь творится?! Трупы, взрывы гранат...

— С гранатами мы разберёмся, — мрачно сказал дядя Гоша. — Я только что от председателя, снимал показания...

— Местные разборки?

— Разборки в наших местах происходят при помощи оглобли, а не гранатомёта, — покачал головой лейтенант. — Детишки балуются, и я догадываюсь, кто именно... Разберёмся. А у тебя что?

— У меня труп. Не подскажешь — чей?

Дядя Гоша подошёл поближе и посмотрел на тело.

Это был высокий мужчина лет тридцати пяти, в пятнистом камуфляже и в сапогах сорок пятого размера. Вокруг его шеи была обмотана бельевая верёвка. Остекленевшие глаза не выражали ни боли, ни страдания. Ни следов крови, ни ран на теле заметно не

было, только на левой скуле и на кончике длинного носа краснели длинные царапины.

— Буратино, — сказал дядя Гоша.

— Кто?

— Ратинов Борис Устинович. Биолог. Изучал летучих мышей. Два дня назад неожиданно уехал к своему племяннику, даже не попрощался. Правда, телеграмму прислал из города... Доехал, мол, благополучно.

— Телеграмма сохранилась?

— Не знаю. У Зиновия нужно спросить. А что?

— А то, что два дня назад Борис Устинович Ратинов никак не мог послать из города телеграмму ни Зиновию, ни кому бы то ни было, потому что уже был покойником. — Следователь Воронин кивнул на белый фургон медэкспертов. — Так, во всяком случае, утверждают наши медики, а они редко ошибаются.

— То есть как?.. — Дядя Гоша был потрясён. Он сразу же вспомнил и взволнованный рассказ Саньки, и своё недоверие к этому рассказу, и визит к Закидону.

— Вот так! Не ошибаются — и всё. Потому что профессионалы!

— Я совсем не о том... Как его убили? Оглушили и бросили в воду?

— Не совсем... Есть одна странность. Позавчера ночью кто-то накинул Ратинову удавку на шею и отправил его на тот свет. Это факт. Но эксперты не поймут, откуда взялся птичий помёт! На плечах куртки остались явные сле-

ды. Не в курятнике же его задушили... Кстати, у вас никто не держит кур?

— Нет. Ни кур, ни гусей... Это в колхозе их разводят, а у нас только вороны. — И тут дядя Гоша вспомнил рассказ Максима о том, как они обнаружили труп в лохмотьях огородного пугала, и прошептал: — О боже!.. Какой же я осёл!

— Осёл? — не расслышал следователь Воронин. — Нет, нет... Эксперты определённо считают, что это не ослиный навоз. Определённо птичий помёт. Эй, закончили? Унесите тело. Берег осмотрели? Что? Никаких следов? И правильно. Какие здесь могут быть следы?! Убили-то не здесь. Всё, сворачиваемся...

— Значит, тело какое-то время находилось под открытым небом?

— Да. Это и странно. Почему убийца не побоялся оставить тело у всех на виду? Почему потом передумал и бросил труп в реку?

— Чтобы концы в воду... — предположил дядя Гоша.

— Логично, — кивнул Воронин. — Убийца замотал на шею трупа верёвку с камнем на конце, но камень оторвался, и тело всплыло... Признаться, вначале мы склонялись к версии самоубийства. Но телеграмма на имя Зиновия!.. Это улика, и серьёзнейшая!

— О боже!.. Значит...

— Значит, телеграмму послал убийца, — закончил фразу Воронин. — Кстати, кто такой Зиновий?

— Тоже биолог. Только он не мог послать телеграмму. Не успел бы вернуться из города. Хм...

Дядя Гоша вспомнил о Константине Михайловиче, и ему все стало ясно. Ну конечно! Какой же он был слепец! Эти типы работали на пару: пока один распивал вино с Закидоном и беззастенчиво водил за нос представителя органов охраны правопорядка, второй бросил труп в реку и уехал в город, чтобы послать липовую телеграмму.

Мальчишки были правы! Это преступники! Убийцы! О, как проклинал себя дядя Гоша за излишнюю недоверчивость, ведь если бы он поверил сигналу, то лжебиологи сидели бы сейчас за решёткой, а не разгуливали бы по полигону! Взрыв! А не их ли рук это дело? Нужно что-то делать! Нужно что-то... Чёрт! Оружие в сейфе осталось.

— Ну пока, Григорий Иванович. — Следователь протянул на прощание руку. — У меня в городе ещё дела. Поеду. Здесь мне делать больше нечего.

— И у меня дела, — тоже заторопился дядя Гоша. Он ничего не сказал о своих подозрениях, потому что совершил ошибку и теперь хотел всё исправить сам. — Этот взрыв, и вообще... Нужно кое-кого отыскать, кое о чём спросить... Увидимся.

Они пожали друг другу руки. Следователь сел в «Москвич» и укатил, а дядя Гоша чуть ли не бегом бросился назад, в посёлок. И тут его

острый взгляд выхватил из толпы Асю Бочкину, больше известную среди дачников как Ася Чёрная Метка.

— Иди-ка сюда, красавица, — подозвал её дядя Гоша.

— Это не я!

— А кто же это? — не понял лейтенант.

— Это всё Тонька! — нехотя ответила девочка. — Мы за ними следили, потому что пора рекам покраснеть от крови и небесам переполниться павшими душами... И Карабас со своим приятелем тоже за ними следил. Наверное, хотели поиграть...

— Какой Карабас?

— Константин Михайлович. Толстый такой. Они у Закидона остановились.

— Понял!.. Значит, они следили за рыцарями?

— Ага. А рыцари спрятались в люке и не выходили. Мы ждали, ждали... И тот дядька тоже ждал. А Карабас за ними полез и тоже пропал. Нам уже всё надоело, и кушать хотелось, и скучно... Хотели уже уйти, но увидели рыцарей. Только они не из люка вылезли, и в руках у них была пушка. Тонька из неё пальнула, и холма как не бывало... Чистое шило! Мне бы так!..

— А дальше-то что было?

— Ничего, — надула щёчки Ася Чёрная Метка. — Свиньи они, а не рыцари! Не хотят больше сражаться! И трусы!

— Это почему?

— Они Карабаса боятся. Наверное, это у него они пушку стырили. Видели бы вы, как эти хваленые рыцари удирали!.. Только пятки сверкали! Юркнули обратно в подземелье, как мыши. Даже пушку оставили.

— А Карабас?

— Он помчался за рыцарями. И приятель его тоже. — Ася Чёрная Метка плюнула на землю, как учил её Лёшка Кишкорез. — И быстро так помчались! Обязательно рыцарей догонят.

Дядя Гоша растерянно заморгал глазами, лицо его побелело, а на скулах заходили желваки. Он сорвался с места и стремглав побежал в сторону полигона.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Положение было безвыходным. Мама не раз говорила Саньке, что из каждой ситуации есть выход, нужно только его найти. Но похоже, она ошибалась.

Холодные угрозы Карабаса вернули мальчишке силы и спокойствие, пусть даже это и были спокойствие и упорство отчаяния, — то затишье перед окончательным решением, которого следует опасаться сильнее самых бурных эмоций. Санчо упорно молчал в каком-то бессмысленном, тупом оцепенении и не отвечал ни на один вопрос бандитов.

Он понимал, что надолго его не хватит: бандиты уже убили одного человека и не остановятся перед новыми убийствами. Было очевидно, что надеяться на их милосердие бессмысленно: через минуту-другую Зяма расправит свою удавку и рыцарский Орден Золотого Льва прекратит свое существование.

Можно постепенно привыкнуть к самым страшным мыслям и, хоть раз допустив их, находить в них даже известное удовольст-

вие. С каждой минутой прекращение всякой борьбы становилось для Санчо всё более сладостным искушением. Всё равно гибель была неизбежна. Смерть могла прийти к нему с накинутаю на шею проволоочной петлёй. Это быстро. Санчо помнил, как недолго танцевал Буратино свою лебединую песню.

Смерть могла прийти с усталостью, голодом и жаждой, если бандиты замуруют их в этой комнате, похожей на могильный склеп. Это будет долгая и мучительная агония. Не лучше ли сдаться, упасть на колени, расплакаться?..

— Карта! — заорал Карабас. — У кого карта, маленькая паршивка?!

Он допрашивал Антонину, считая, что она сломается быстрее мальчишек. Но только он ошибался: леди-воительницу сломать было совсем не просто.

— Пошёл к чёрту, толстый дурак! Сначала научись хорошим манерам, а потом разговаривай с дамами!

— Что ты сказала?!

— Я сказала: дурак, толстый дурак. И глухой в придачу!

— Зяма! Обыщи эту дрянь!

Санчо засунул руку в карман и нащупал перочинный ножик, который всегда носил с собой, чтобы затачивать карандаш. Сознавание того, что у него есть оружие, несколько успокаивало: во всяком случае, Зя-

ме Дуремару он не покажется лёгкой добычей.

Пусть это был совсем маленький ножик, но его острое лезвие могло основательно ужалить. Санчо вытащил его из кармана и незаметно, за спиной, раскрыл лезвие.

Он почувствовал, что в его сердце снова просыпается Золотой Лев и что ему нечего бояться опасности. Может, и права была мама, когда говорила, что из любой ситуации есть выход. Главное — не бояться. И поэтому, когда Зяма, мерзко ухмыляясь, подошёл к Антонине и протянул к ней свои лапы, Санчо кинулся вперёд и вонзил лезвие ножика ему в плечо.

Зяма заорал от боли. Антонина, пользуясь ситуацией, пнула его изо всей силы по колену, потом ещё раз... На помощь Тоньке кинулся Макс. Он что-то закричал, а потом вцепился зубами в руку Дуремара. А Карабас схватил Макса за ноги и пытался оторвать от Дуремара...

Выход был открыт. Не долго думая, Санчо пулей выскочил за дверь и помчался по тёмным коридорам прочь. Он надеялся, что, если сумеет ускользнуть, бандиты ни за что не тронут его друзей.

Крики за его спиной не умолкали. Дверь распахнулась настежь. Из неё выскочил Зяма, в которого мёртвой хваткой вцепился Максим. Карабас сражался с Антониной — были слышны её боевые вопли и отчаянная

ругань бандита. Друзья помогали Санчо как могли.

— Беги, Санька! — закричал Максим. — Зови на помощь! Быстрее! Я его долго не удержу...

Вся натура Санчо протестовала против спасения бегством вместо того, чтобы сражаться с преступниками до последней капли крови. Рыцарский долг и инстинкт самосохранения странно переплелись в его сознании. Но отчаянный крик Максима вернул его к реальности.

— Быстрее!

Санчо понял, что малейшее промедление подобно смерти. Он должен спастись, иначе погибнут все. Ошибкой было распутывать это дело без помощи дяди Гоши, и теперь приходится расплачиваться. Но рыцарь, настоящий рыцарь, всегда учится на своих ошибках.

А яростная ругань Зямы и крики Максима становились всё ближе: Великий Магистр не мог долго удерживать столь крупного и сильного противника. И Санчо побежал ещё быстрее.

Он мчался без оглядки. Зяма с трудом оторвал от себя Максима, швырнул его в руки Карабаса и бросился следом.

Санчо летел по коридору сломя голову. Но за своей спиной он чувствовал уже горячее дыхание Зямы-Дуремара. Преступник нагонял его, а выход был ещё далеко.

«Не успеть!» — подумал Санчо и круто свернул в боковой коридор, сообразив, что громоздкий преследователь по инерции проскочит мимо и вынужден будет потерять несколько драгоценных секунд.

Так и вышло. Зяма промчался мимо, а Санчо с удвоенной энергией побежал вперёд, лихорадочно оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Но не успел он пробежать и нескольких метров, как вдруг оступился и, почувствовав у себя под ногами пустоту, рухнул вниз.

Он свалился на самый нижний, шестой, уровень и некоторое время лежал, оглушённый падением. В ноге пульсировала тупая боль. Видно, расшиб колено при падении. Санчо застонал, но не от боли — от обиды. Ему не удалось спасти друзей.

— Вот ты где! — В дыру пробовал протиснуться Зяма. — Ногу подвернул?! Очень кстати! Чёрт!..

Зяма никак не мог спуститься к Саньке, так как дыра была для него слишком узкой. Бандит пытел, шипел, свирепо ругался... Санчо настороженно следил за каждым его движением.

Взбешённый неудачей, Зяма погрозил кулаком и прошипел, что сейчас спустится по лестнице, и тогда кое-кому придётся очень туго. Его лицо исчезло, слышался удаляющийся топот.

Санчо нахмурился. Ему не нужно было

объяснять, кому сейчас придётся туго. Он потрогал ногу и вскрикнул от боли: колено обожгло, словно огнём. Где-то далеко, в самом конце коридора, слышались шаги Зямы. Он спустился на шестой уровень и приближался, полностью уверенный в незащищённости своей жертвы. Санчо вытащил из-за пазухи карту, оторвал от неё клочок цифровым кодом замка, посмотрел на него, запоминая цифры, и засунул в карман.

— Сейчас ты у меня получишь, маленький паршивец! — вынырнул из зеленоватого полумрака Зяма. — Сейчас ты у меня...

— Не смей трогать меня! — закричал Санчо. — А то хуже будет!

Зяма Дуремар удивлённо изогнул брови и вдруг расхохотался.

— Хуже? Мне?! Да что ты можешь сделать?!

— Если появится Чёрный Генерал, я и пальцем не шевельну, чтобы тебя спасти! — выпалил Санчо.

— Ах, Чёрный Генерал! Как страшно!.. — Зяма перестал смеяться, опустил перед мальчишкой на корточки. — И конечно, только ты можешь меня от него спасти?

— Я знаю заклинание. Так что ты води себя пожеливее!

— Малыш! Нет никакого Чёрного Генерала, — насмешливо сказал Зяма. — И никогда не было. Всё это ваша выдумка, детская страшилка, которая пришлась как нельзя кстати.

— Ты не знаешь!

— Знаю, — Зяма ухмыльнулся ещё шире. — «Он принимал участие в каждой битве, и в каждой битве он умирал и возрождался снова, теряя частичку себя, пока не стал таким чудищем: со вставными челюстями, с протезами вместо рук, со стеклянными глазами и стальным сердцем... Одинок и жуткий, он бродит в полнолуние по полям сражений — тёмный призрак в военной форме без знаков различия. Он алчет смерти, и жажда его неутолима...» Верно?

Санчо был потрясён. Откуда Зяма мог знать такие тонкости?!

— Нет никакого Чёрного Генерала, — повторил Зяма. — Какие же вы дураки, если верите в него! Дети, сущие дети... Надо же — Чёрный Генерал! Нашёл, чем меня испугать!

— Я тоже не верил, — заметил Санчо. — Как ты. Но факты говорят обратное. Знаешь, что такое факты?

— Знаю, — кивнул Зяма. — Правда для... для таких, как ты, дураков.

— Что?!

— Чёрный Генерал превратился в огородное пугало, оглушил вашего легавого и похитил карту полигона... Это факт?

— Факт.

— Чуть это собачья, а не факт! На самом деле это был не Чёрный Генерал, а Бориска Ратинов. Он всё ломал голову, как ему достать карту этого лабиринта, а тут случайно услы-

шал ваш разговор, увидел, как вы полезли за стрелой в люк, и у него тут же созрел план. Парень-то с головой был, хоть и дурак... Даже жалко... Н-да. Но рассудил он верно. Если ваш мент узнает, что вы заблудились в блиндаже, он схватит карту и прибежит вас спасать. Один удар палкой по голове — и карта в руках Бориски. А вы и мент подозреваете козни нечистой силы. Вот тебе и весь факт номер один!

— Я так и думал! Ой!

— Ты чего?

— Нога!..

Зяма осторожно ощупал опухшее колено, присвистнул.

— Вывих, — констатировал он. — И это факт номер два. Придётся тебя нести. Мало мне хлопот. Ну-ка поднимайся, змеёныш.

Санчо, постанывая, запрыгал на одной ноге. Зяма подхватил его на руки, взвалил на плечо и понёс к лестничному пролёту.

— И какого чёрта вы, сопляки, влезли в это дело?! — ворчал Зяма. — Всё было чинно, благородно... Док должен был отыскать арсенал, определить код замка. Шеф ему и приборчик дал: за пять минут любой электронный номер определяет! Могли такие деньги огрести! Покупателей на оружие — полный хлев! Так нет же! Сначала док затеял свою игру... Хотя, конечно, ему было не просто в таком лабиринте отыскать нужную дверь. Поэтому и нужна была

настоящая карта... Вот только он посчитал себя слишком умным — захотел нас вокруг пальца обвести и всё захватить сам. Морочил голову столько времени! А потом вы сунулись... Не просто денежки даются! Так-то, парень! А ты говоришь: Чёрный Генерал!..

— А кто тогда сегодня днём на нас напал? Мы здесь бродили, а он как выскочит!.. Чёрный, страшный, огромный!..

— Ну и тяжёлый же ты!.. — Зяма опустил Санчо на пол. — Давай-ка посмотрим твою ногу. Может, вправим, потопашь. — Он ещё раз ощупал колено. — Ага...

— И стрелы его не брали! Пролетали насквозь. Хотя дубинкой я его славно огрел!

— Знаю. Таковую шишку Константину Михайловичу набил! Это он за вами следил. А я наверху караулил.

— Так это был...

— Да, — кивнул Зяма. — Это был мой шеф. Дураки вы. И трусы. Напустили на себя страху, а у страха глаза, как известно, велики.

Санчо был готов сгореть от стыда. Как же они могли попасться на такую удочку! От огорчения он даже не заметил, как Зяма схватил его за голень и резко дёрнул. Ногу будто ошпарило кипятком, но Санчо стоически перенёс резкую боль, даже не вскрикнул, хотя впору было лезть на стенку.

— Недельку похромаешь, а потом всё

пройдет, — уверенно сказал Зяма. Он хлопал Саньку по груди и вытащил у него из-за пазухи карту полигона. — А теперь, парень, шагай! Шеф ждёт не дожждётся этой карты!

Санчо поднялся на ноги, незаметно достал из кармана обрывок карты и засунул себе в рот.

Это было очень непривычно — есть плотную бумагу. И невкусно. Ключок совсем не хотел жеваться: то прилипал к нёбу, то западал под язык. А вкус у него был такой же, как у того праздничного пирога, который Санчо год назад решил приготовить к маминому дню рождения.

— Быстрее! Шевели копытами! Плетёшься как черепаха!

Санчо продолжал сосредоточенно жевать бумагу. «Всё равно пропадать, — мстительно думал он. — Так лучше, назло бандитам, от несварения желудка!»

Но проглотить обрывок карты он так и не смог. Бумага сбилась в тугую, плотный, как резина, комок, который не пролазил в горло. Нужно было время, а времени не было. Когда Константин Михайлович развернул карту пятого уровня и заметил оторванный от неё угол, он разочарованно закричал и обыскал Саньку с головы до ног, а потом силой открыл его рот.

— Чтoб ты подавился, маленький негодай! — ругался он, осторожно разворачивая

мокрый бумажный шарик. — Чтоб ты... Ну конечно! Ничего не осталось! Ни следа!.. — Карабас отшвырнул мятый обрывок в сторону и подошёл к Санчо. — Мне нужен код, и я его из тебя вытрясу!

— Я не помню...

— Сейчас вспомнишь! Зяма, приступай!..

— Он не помнит, — вступилась за Саньку Антонина. — У него память слабая. Поэтому он всегда носит с собой записную книжку.

Карабас тут же поднял с пола Санькину записную книжку и начал её листать.

— ...А тот, кто хочет защититься от Чёрного Генерала, пусть возьмёт шерсть с хвоста чёрной собаки, рождённой от чёрной, первородной, пусть сожжёт её и посыплет себе на голову...» — Он поднял взгляд на Саньку, машинально потрогал шишку на своей голове. — Что это за чушь, малыш?

Санчо молчал как убитый. Память у него была отличная, и Тонька это прекрасно знала. Значит, у неё был какой-то план.

— Это памятная записка, — пояснила Антонина. — Говорю же, у него с памятью плохо. А теперь из-за колена он даже имя своё позабыл. — Она погладила Саньку по голове. — Бедненький... Скажи, как тебя зовут?

— Э-э... Знал, но забыл, — поддержал её игру Санчо. — Кажется, Федул. Или Варфоломей...

— Я тебе сейчас покажу — Варфоломей! — разозлился Карабас. — Такую Варфоломеевскую ночь устрою! Сразу всё вспомнишь!

— Не вспомнит, — уверенно сказала Тонька. — Это у него наследственное. Ему нужно полчаса полного покоя, и тогда память к нему вернётся. Может быть. А может, и нет.

— Полчаса? — Карабас посмотрел на часы.

— А если он вспомнит, вы отпустите нас домой? — наивно хлопая глазами, спросила Тонька.

— Конечно. Как вспомнит, так сразу и отпустим, — пообещал Карабас. — Верно, Зяма?

— Вернее не скажешь, — привычно отозвался тот.

Карабас задумался. Перед ним возникла проблема. Он был почти на сто процентов уверен, что дети водят его за нос, и нужно бы допросить мальчишку с пристрастием, чтобы он все выложил. А он выложит — Карабас не сомневался в талантах своего помощника Зямы. Но вдруг Антонина права и парень действительно потерял от страха память?.. Нет. Рисковать Карабас не хотел. Ставка была слишком высока. В конце концов, полчаса ничего не изменят.

— Ладно, — принял решение Константин Михайлович. Он подошёл к двери и ударом кулака согнул задвижку дугой. Теперь закрыть дверь изнутри было невозможно. — Пошли,

Зяма, посмотрим на заветную комнату. Может, сумеем вломиться. — Он посмотрел на Антонину и погрозил ей пальцем. — Сидите тихо! Впрочем, дверь мы закроем: кричи не кричи — никто не услышит. А через полчаса вернёмся. Надеюсь, к этому времени память к твоему приятелю вернётся! Иначе...

Он растянул губы в противной улыбке и вышел из комнаты. С лязгом захлопнулась дверь, щёлкнула наружная задвижка.

— Тонька! Что ты плела о моей памяти? — поинтересовался Санчо. — Зачем?

— Чтобы выиграть время! Как твоя нога? Ползти сможешь?

— А то.

— Тогда наверх! — Тонька указала на вентиляционную решётку. — Исчезаем! Вот бандюги удивятся!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Санчо полз по узкой вентиляционной трубе, и ему было страшно. Казалось бы, за последнее время он натерпелся такого ужаса, что должен уже перестать чего-либо бояться, но нет — страх по-прежнему сидел в нём, как птенец в гнёздышке. Страх разевал свой клюв, требуя пищи, вырастал в огромного дракона, поднимал голову, и в тени его крыльев меркло сияние Золотого Льва.

Не было никого, кто помог бы рыцарям в этот трудный час, протянул бы руку помощи и сказал: «Не бойтесь, я защищу вас». Никто в поселке даже не подозревает, что рыцарям Золотого Льва грозит смертельная опасность. Это было странно и ново — знать, что положиться не на кого и рассчитывать приходится только на самих себя.

А вот Тонька, похоже, чувствовала себя прекрасно. Она ползла последней и всё строила планы страшной мести, сетовала, что нет у неё в руках старого доброго лука, а то бы она показала им, где раки зимуют, а то бы они узнали, почём фунт лиха...

А Макс молчал. Он не знал о разговоре

Санчо с Зямой Дуремаром и потому больше всего боялся не бандитов, а появления очередного призрака, который наверняка должен водиться в этой жуткой вентиляционной трубе.

— ...Отойди от плоти моей, от костей моих и от мяса моего... — вполголоса бубнил он.

— Решётка, — прошептал Санчо. — За ней какая-то комната...

— Какая?

— Темно. Ничего не видно. А фонарик у Тоньки.

— Полезли, — предложил Макс. — Всё лучше, чем в этой трубе. Там разберёмся.

Это была пещера Али-Бабы. Луч фонарика высветил стойки стеллажа, знакомые очертания ящиков и металлических контейнеров.

— Отлично! — сказал Макс. Он взял у Тоньки фонарик и направился к ящику с гранатомётами. — Один выстрел, — и от бандитов мокрого места не останется!

— Нет, — поморщилась Тонька. — На меня больше не рассчитывайте. Я к этой штуке и пальцем не притронусь. Никогда в жизни. Ну её...

— Правильно, — кивнул Макс. — От взрыва потолок рухнет, от нас самих мокрого места не останется. Лучше возьми пистолет. Арестуем их и сдадим прямо дяде Гоше. Скажем, вы тут кроссворды разгадываете, а мы... Точно. Лучше пистолет.

— Ты не понял! — нахмурилась Тонька. —

Я больше никогда в жизни не притронусь к оружию. И вам не советую. А стрелять в людей — низко и подло. Так только бандиты поступают. А мы — рыцари!

— Тогда ты, Санчо. Ты у нас Знаменитый Следопыт, тебе и пистолет в руки.

Санька отрицательно покачал головой.

— Но ведь нужно как-то защищаться!

Макс был прав. Санчо вздохнул и достал из ящичка промасленный свёрток, развернул бумагу, повертел оружие в руках. От пистолета веяло холодом и злостью. Даже держать его в руках было неприятно. А ведь столько раз Санька мечтал о том прекрасном моменте, когда он выхватит из-за пояса никелированный кольт и этак сквозь зубы процедит: «Ну что, парни?! Допрыгались!». И нехорошие парни в паническом ужасе разбегутся по домам.

Но, увы, действительность всегда хуже самой завалящей мечты. Пистолет был похож на вампира: он высасывал всё доброе, и, казалось, ещё минута — и от Саньки ровным счётом ничего не останется. Даже, как говорит Максим, мокрого места. Однако выбирать не приходилось. Как-то так получилось, что теперь вся ответственность лежала на Санчо. Макс незаметно сдал позиции, уступил верховенство в Ордене рыцарей, и тяжёлая ноша лидерства свалилась на плечи Санчо.

— Ладно, — вздохнул он. — Тихонько выскочим, помчимся наверх и всё расскажем дя-

де Гоше. Стрелять не будем. И арестовывать никого тоже не будем. Пусть дядя Гоша арестовывает. — Он посмотрел на вытянувшиеся физиономии соратников и пояснил: — А то он обидится.

Макс разочарованно пожал плечами и подошёл к двери.

— Какой там номер-то? — спросил он.

— Семь, девять, один... — начал диктовать по памяти Санчо.

На последней цифре раздался щелчок, и Макс потянул дверь на себя.

На пороге стоял Карабас. Похоже, бандит был удивлён не меньше рыцарей, но быстро пришёл в себя и шагнул вперёд.

— Вот так встреча! — сказал он. — А куда это вы собрались?

Он так злорадно усмехнулся, что Макс не выдержал и закричал:

— Стреляй, Санчо!

Словно во сне, Санька поднял пистолет и заплетающимся языком промямлил:

— Ну что, парни?! Допрыгались!

Он прицелился в потолок, зажмурился и нажал на спусковой курок.

Нет, иногда судьба-злодейка просто смеётся над людьми! Для неё страсти человеческие просто забава; а люди — игрушки. Она вертит ими, как куклами, устраивает каверзы, поднимает на гребень славы, бросает в пучину отчаяния. Она не оставляет ни капли надежды, отбирает удачу — даму своенравную и каприз-

ную. А когда судьба вдоволь натешится, она, как волна, убегает прочь, бросая свои игрушки на произвол судьбы...

Санчо совершенно забыл зарядить оружие, и поэтому пистолет не выстрелил. Вместо грохота раздался сухой щелчок, а в следующую секунду пистолет вылетел из руки Санчо, а сам он забился в железных руках Карабаса.

— Зяма! Кончай тех двоих, — закричал бандит. — А я с этим щенком разберусь!..

Карабас бросил Санчо на пол, а сам чёрной тушей навис сверху, его пальцы обхватили горло мальчишки и начали сжиматься. Санчо боролся из последних сил, но вырваться было совершенно невозможно: захват по крепости не уступал стальному обручу.

Зелёный сумрак комнаты взорвался тысячами ярчайших звёзд. Перед глазами Саньки поплыли цветные пятна, лёгкие горели, требуя глотка воздуха. Сквозь нарастающий шум в ушах он слышал отчаянные крики Макса и Антонины.

Мир рассыпался. Предметы раздвоились, поплыли в разные стороны, окрасились кровавым багрянцем... Чёткий контур сохранили только злобные глаза Карабаса. Они становились всё больше, заняли весь потолок, и в их мёртвой глубине Санчо увидел своё отражение.

А потом мучения вдруг закончились. Раздалось свирепое рычание. Константин Михайлович дико заорал, разжал руки, слетел

с Саньки, как кегля, и покатился по полу, отбиваясь от рычащего демона — чёрного как ночь, с висящим левым ухом и с белой отметиной на голове. Отелло нашёл убийц своего хозяина, и ярости его не было предела!

Санчо никак не мог прийти в себя. Ему казалось, что время словно остановило свой стремительный бег и двинулось дальше неторопливо, удивлённо поглядывая на грозно рычащего Отелло, на смертельно испуганного Константина Михайловича, на Тоньку, Макса, на Зяму, который не знал, что ему делать: то ли расправиться с подростками, то ли выручать своего шефа. Видимо, он выбрал последнее. В руке Зямы Дуремара неожиданно появился пистолет. Бандит взвел курок и прицелился в осатаневшего от злости пса. Грянул выстрел... Другой...

Зяма промазал. Он боялся ранить своего приятеля и поэтому взял прицел чуть выше. Пули ударились в стену, и на пол посыпалась штукатурка.

— Не нужно! — закричал Санчо. — Не стреляйте! Отелло! Фу! Ко мне!

К его удивлению, пёс послушался и отошёл от истошно вопящего Карабаса. Хвост его подрагивал, в глазах метались молнии, а в горле клокотало еле сдерживаемое рычание. Санчо обхватил его руками, заслонил собой. Зяма не опускал пистолета.

— Держи его! — предупредил он. — Или я ему всю башку разнесу!

Санчо не понимал, почему он, рискуя жизнью, бросился на защиту Отелло. Это получилось само собой: пёс спас ему жизнь, и Санька просто должен был отплатить ему тем же.

— Константин Михайлович, как ты? — не сводя настороженного взгляда с Отелло, спросил Зяма.

— Чёртово отродье!.. — Карабас, постанывая, поднялся на ноги. — Чуть в горло не вцепился... — Он подошёл к ящикам с оружием и оттолкнул Тоньку и Макса в сторону. — Хватит! Пора заканчивать этот спектакль!

Ни на кого не глядя, Карабас выбрал пистолет, отыскал на стеллаже коробки с патронами и зарядил обойму. Потом щёлкнул затвором, посмотрел на оскалившегося Отелло, на Санчо, перевел взгляд на притаившихся в углу Макса и Тоньку.

— Сами виноваты, — глухо сказал Карабас. — Нечего было совать нос куда не следует! Думаете, мне это всё очень приятно?!.. Но... Сами виноваты...

Он поднял пистолет... И вдруг за его спиной раздался резкий окрик:

— Стоять! Руки вверх! Бросай оружие! Вы арестованы!

Карабас замер, бросил пистолет на пол, поднял руки и оглянулся. Из темноты коридора выступил дядя Гоша.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

Дядя Гоша выглядел очень странно: волосы были взъерошены, лицо красное, по лбу блестяли капли пота. И дышал дядя Гоша тяжело, будто только что сдал нормативы по бегу для милиционеров-отличников. Но самым странным было то, что оружия в руке у дяди Гоши не было, — Санчо это отметил сразу. Конечно, в сумраке можно было принять вытянутый указательный палец за дуло пистолета, но для этого нужно быть совсем слепым. К сожалению, Карабас обладал отличным зрением. Он фыркнул, потом нервно расхохотался и опустил руки.

— Ещё один герой! — насмешливо сказал бандит. — Один — и без оружия! На что ты надеялся, лейтенант?

— Неповиновение приказам властей есть уголовно наказуемое преступление, — напомнил дядя Гоша. — Не усугубляйте своей вины!

— Ба! Да ты, наверное, хочешь посадить нас в тюрьму?!

— Не огорчайтесь. В тюрьме не так уж и плохо. Впрочем, вы, поди, это уже испытали на своей шкуре. Так что сдавайтесь! Сопротивление бесполезно.

«Вот было бы здорово, если бы дядя Гоша хорошенько вздул бандитов, — подумал Санчо. — А потом надел бы на них наручники и все мы наконец покинули бы это ужасное место и отправились домой. Домой!.. Что может быть лучше?!»

— Хватит трепаться! — Карабас нагнулся и начал искать на полу свой пистолет. — Зяма! Вышиби ему мозги!

Дядя Гоша понял, что угрозы не возымели действия. Поэтому он не стал дожидаться, когда ему вышибут мозги, а с отчаянным «ура» кинулся на Зяму, и они кубарем покатались по полу.

— Наших бьют! — закричала Тонька, и они с Максом кинулись на помощь дяде Гоше.

Это было очень занимательное зрелище, и Зяме в конце концов пришлось бы очень худо, но Санчо увидел, что Карабас нащупал свой пистолет и уже поднимался с колен.

— Фас, Отелло! — крикнул он. — Взять его!

Пёс одним прыжком очутился рядом с Карабасом и вцепился ему в руку.

Да... Поистине это была грандиозная битва! Ристалища между рыцарями и пиратами не шли с ней ни в какое сравнение. Стеллаж ходил ходуном. Люди, звери — все они катались по полу, так что не было ни одного свободного места. В сумраке мелькали сжатые кулаки, перекошенные лица, оскаленная пасть Отел-

ло... Шум, крик, рычание... Ключья одежды, чей-то башмак, белая тряпка... Стоп!

Санчо выхватил из свалки некогда бело-оранжевое, а теперь серо-буро-малиновое знамя Золотого Льва и спрятал за пазуху. Несколько мгновений он торжествовал, что честь рыцарского Ордена восстановлена, и не обращал внимания на кровопролитие. А между тем битва разгоралась, словно пламя. Нужно было срочно остановить бойню!

Пистолет! Санчо сразу вышел из оцепенения! Он видел, как оружие выпало из руки Карабаса и упало рядом со стеллажом. Санчо бочком, вдоль стены, двинулся туда.

Пистолета нигде не было. Были миномёты, автоматы, пулемёты, акустические гранаты «Эхо», а пистолета не было. И тогда Санчо схватил прямоугольную коробочку акустической гранаты, наобум защёлкал по кнопкам...

Маленький циферблат зажёгся, и на нём появилась цифра «10.00». А потом десятка превратилась в девятку, а секунды запрыгали как сумасшедшие: девять пятьдесят девять, девять пятьдесят восемь, девять пятьдесят семь...

— Стойте! — изо всех сил заорал Санчо. — Остановитесь! Отелло, фу! Послушайте! Сейчас шарахнет, и кое-кому придётся менять штаны!

Он вытянул перед собой гранату, чтобы все увидели, как стремительно мелькают цифры на светящемся табло. А когда все замерли, он размахнулся и зашвырнул гранату на самую верхнюю полку стеллажа.

— Мама моя! — ахнул дядя Гоша. — Здесь же полно мин, лимонок, патронов!.. Настоящий пороховой погреб, а эта граната, как спичка...

— Сейчас так рванёт, что одними штанами не отделаешься! — подтвердил Карабас. — И всего девять минут... Зяма! Уносим ноги!

Бандиты пульей выскочили в коридор и помчались к лестничному пролёту.

— Максим, Антонина! — Лейтенант вскочил на ноги. — Санчо, давай руку! — Дядя Гоша бросился к двери. — Быстрее за мной! Бегите так, как никогда ещё не бегали! И не отставайте! Я знаю короткий путь наверх.

Удивительное дело! Иногда день тянется как вечность и солнце висит неподвижно, даже не думая опускаться за горизонт, а между делениями минутной стрелки пролегалает целая жизнь. А потом пытаешься вспомнить этот день и не можешь, потому что в памяти ничего не осталось. А иногда день летит, как дикая кобылица, — и остановиться нельзя, и выпрыгнуть из седла невозможно. Так и несёшься, отчаянно цепляясь за уздечку и не ведая, куда тебя вынесет эта сумасшедшая скачка. Зато уж потом есть что вспомнить...

Так думал Санька, когда прихрамывая мчался за дядей Гошей по тёмным коридорам, перескакивал через ступеньки по лестничным пролётам и всё старался не упасть, успеть, не отстать... А потом они добежали до рощицы и упали на траву и судорожно дыша-

ли, пытаюсь восстановить дыхание. А дядя Гоша смотрел в сторону реки и бормотал:

— Вон они... Возле стрельбища выскочили. Ладно, голубчики... Всё равно не уйдёте. Уж я вас достану. Уж я вас...

А потом глубоко под землёй глухо ухнуло, и Отелло заскулил и начал жаться к ногам Санчо, как испуганный щенок. Земля задрожала, будто какой-то исполинский зверь проснулся и заворочался в своей берлоге. Вот он расправил плечи, вот он поднялся на дыбы... Земля взорвалась. Земля клочьями чёрной пены плеснула в небеса, а следом за ней с рёвом взметнулось пламя.

Горящие деревья, обломки бетонных перекрытий, искорёженные стальные профили вылетели из-под земли, как картечь из жерла пушки. А затем полыхнула такая яркая вспышка, что даже дядя Гоша заслонил глаза. И яростно загудело пламя — густой жирный дым и оранжевые сполохи.

Вершины деревьев над головами рыцарей срезало просвистевшим, как бумеранг, швеллером. А трансформаторную будку, что стояла около командного пункта, накрыл обломок балки. Раскалённые докрасна куски металла, расплавленные брызги пластика, куски бетона с торчащими из них зубьями арматуры заставили подростков уткнуться лицами в землю. Но как можно лежать с закрытыми глазами, когда вокруг творится светопреставление?!

И не обращая внимания на окрики дяди

Гоши, рыцари с замиранием сердца следили, как вся огромная масса обломков, поднятых взрывной волной, обрушилась на стоявшие у реки моторные лодки. Огонь добрался до баков с бензином, и лодки начали взлетать на воздух. Огненные взрывы следовали один за другим.

— Вон они! — снова закричал дядя Гоша.

И Санчо увидел бандитов. Они бежали прочь от горящих лодок. Карабаса накрыло пылающими брызгами, и он упал, охваченный пламенем, и катался по песку, а Зяма хлестал по его туше курткой, пытаясь погасить этот огненный ком, и тащил за рукав к воде...

Ещё один взрыв!..

Каменный град обрушился на противоположный берег. Со звоном посыпались стёкла в окнах домов. Зловещие оранжевые языки заплясали на крыше лодочной станции, и треск лопающегося шифера напоминал короткие автоматные очереди.

Электропровода, тянущиеся от столба к боковой стене станции, налились багрянцем и загудели, словно струны контрабаса. Вот они огненными змеями упали на землю, и по дощатому настилу заплясали искры электрических разрядов.

Вспыхнули сложенные на берегу брёвна. Радужные язычки — голубые, нежно-розовые, жёлтые — искрились на фанерных щитах по технике безопасного плавания. Как свечи, плавились кабинки для переодевания, и на их

пластиковых стенках разрастались дыры с чёрными пузырящимися краями.

— Клёво! — восхищённо пробормотала Тонька. — Ну ты, Санчо, навел шороху! Жаль, фотоаппарата нет... Дядя Гоша, смотрите! Бандиты! Они в реке! А у Карабаса вся борода обгорела.

Дядя Гоша поднялся на ноги, с опаской посмотрел в сторону гигантского котлована, который ещё несколько минут назад был вверенным его заботам полигоном. Взрывов больше не было. Дядя Гоша отряхнул брюки и не спеша, уверенно направился к берегу, к сидящим по горло в воде бандитам.

Где-то далеко, со стороны шоссе, послышался вой пожарных машин.

— Всё хорошее когда-нибудь кончается, — вздохнула Тонька. — А я свой лук где-то посеяла. И отличные боевые стрелы. Теперь уж не найти.

— Главное — знамя цело. — Санчо протянул боевой штандарт Верховному магистру. — Держи.

— Это точно, — кивнул тот, разглаживая помятую ткань. — Завтра устроим баталию всех времён и народов. Пусть пираты трепещут! А потом пойдём искать сокровища Чёрного Генерала. Теперь их легко отыскать. И под землю спускаться не нужно: всё на поверхности. — Он весело улыбнулся. — А здорово мы Чёрного Генерала отделали! Помни-

те? Там, под землёй... Молодцы мы. Правда, Санчо?

Санчо промолчал. Конечно, он мог бы с полной уверенностью заявить, что никакого Чёрного Генерала нет и в помине и что всё это глупости и детские сказки. Но Санчо ни слова не обмолвился друзьям о своём разговоре с Зямой.

Ведь если нет Чёрного Генерала, то нет и Синего Дракона, и Золотого Льва тогда тоже нет... А ведь это не так. Там, на пятом уровне, во время схватки с бандитами, Санчо чувствовал себя Золотым Львом: он не струсил, он сражался, он верил в себя. А ведь это самое важное — поверить в себя! Иногда вера в себя гораздо важнее правды, потому что это и есть правда. Самая чистая правда.

— Да, — кивнул Санька. — Самая чистая правда.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ 3

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ 20

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАИНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ 36

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

СОВЕТ РЫЦАРЕЙ ЗОЛОТОГО ЛЬВА 47

ГЛАВА ПЯТАЯ

БИТВА ВСЕХ ВРЕМЁН И НАРОДОВ 63

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«КАМОРКА ПАПЫ КАРЛО»..... 84

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ 99

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС..... 114

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОГОРОДНОЕ ПУГАЛО 125

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СРАЖЕНИЕ С ПРИЗРАКОМ 137

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЕЩЕРА АЛИ-БАБЫ 150

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
В ЛОВУШКЕ	164
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.....	175
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ.....	189
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА	196

Литературно-художественное издание

Конев Андрей Федорович

ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

Для среднего школьного возраста

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.06.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,92. Тираж 11 000 экз. Заказ 1403.

Фирма «Современный литератор».
Лицензия ЛВ № 319 от 03.08.98.
220029, Минск, ул. Красная, 5—12.

При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству
предоставленных издательством диапозитивов.

ISBN 985-456-269-7

9 789854 562698 >

ДЕТЕКТИВ для девочек
и мальчиков

ЗОЛОТОЙ ЛЕВ